

София
Руд

СТАРАЯ ЖЕНА

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ

София Руд

**Старая жена, или
развод с драконом**

«Автор»

2026

Руд С.

Старая жена, или развод с драконом / С. Руд — «Автор», 2026

— Ты стареешь, а она молода! — я услышала дважды за последние сутки. Сначала от мужа, с которым прожила сорок лет, и потом, попав в новый мир. Здесь ждут послушания от разжалованной жены, статус разведенки — хуже некуда, а о том что женщина может быть врачом, и слышать не хотят. Но я не буду больше жертвовать собой! Я сделаю все так, что ты удивишься, дракон! *Сильная, опытная героиня* Дракон со своими заморочками*
Обязательный ХЭ

© Руд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Конец или начало?	5
Глава 2. Незнакомцы	8
Глава 3. Жена генерала	9
Глава 4. Старая опять	11
Глава 5. Северное крыло	14
Глава 6. Части мозаики	16
Глава 7. Знакомы?	18
Глава 8. Осечка	20
Глава 9. Это ревность?	22
Глава 10. Качели	25
Глава 11. Она что-нибудь выкинет	27
Глава 12. План	29
Глава 13. Лекарь для «лекаря»	31
Глава 14. Развод?	34
Глава 15. Один-ноль	37
Глава 16. Кто хитрее?	39
Глава 17. Последнее условие	42
Глава 18. Прощание	47
Глава 19. Этого не было в договоре!	50
Глава 20. Не женское дело!	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Старая жена, или развод с драконом

Глава 1. Конец или начало?

«Он не ценит тебя, мам», – эхом звучат в голове слова, сказанные так много лет назад, но больно сердцу именно сейчас.

Взгляд скользит по деревянным стенам дачной кухни, останавливаясь на распахнутом черном чемодане, куда Аркадий Николаевич Семенов с непривычной ему скоростью и ловкостью закидывает вещи.

Надо же, а последние сорок лет истинно уверял, что сам не сможет собрать чемодан. Поэтому собирала я.

– Ну чего ты так смотришь, Ольга? – рычит на меня.

Кидает упрекающие взгляды, будто это я на старости лет заявила, что жить с ним больше не хочу. Хотя, чего лукавить, были времена, когда не хотела.

Были времена, когда становилось невыносимо, но я терпела. Сначала дочь была маленькой – она у нас долгожданный ребенок, а там девяностые. Потом школа, а квартиру никак не разделишь. Потом университет.

Но к этому сроку уже как-то притерпелось. Свыклась, что даже самая трепетная любовь проходит, и ты становишься для человека не важной и ценной, с которой пылинки сдувал, а просто соседом по дому. И, если даст бог, и ум самих людей позволит, другом.

Другом я Аркашу и считала последние пятнадцать лет. Другом ему и была, даже когда он копчик повредил, и год толком ходить не мог. Лежал, ворчал. Терпела.

«Кто ж ему еще поможет на старости лет? А так хоть стакан воды друг другу подадим», – думала я.

Не подаст.

– Ольга, я с кем разговариваю? – рычит Аркаша.

Злится. Вон каким красным стал. Как помидорина с седой макушкой и залысинами на висках.

А злиться должна я.

– Не нервничай. Давление подскочит, – только и говорю ему, собираясь выйти на веранду, а он с завидной резкостью преграждает путь.

И ревматизм куда-то испарился, да?

– Чего ты от меня хочешь? – спрашиваю я, а в голосе звучит такая адская усталость, что просто хочется упасть здесь замертво.

Но нет, такое удовольствие я Аркадию Николаевичу не доставлю. Еще его переживу со своим большим сердцем.

– Ты уже все сказал. Или, что, чемоданы помочь собрать? Обратись к Наталье, – хочу сказать спокойно, но имя соседки по даче шипящей болью срывается с языка.

Вроде уже не молодая, вроде и сердце, и ум закалились с годами. А больно. Противно до удушья.

Только подумаю, сколько раз эта Наталья приходила в мой двор, сколько щебетала тут о рассадке, выпрашивая то ростки, то соль, то сахар. А я, воистину, слепая – за все это время даже не заметила, что ей приглянулся Аркадий.

Хотя не он, а деньги, чего уж тут таить? У нас только квартира общая, а все остальное, включая эту самую дачу, на которой я двадцать сезонов провела, лелея цветы и отстраивая новые громадные комнаты, мужу по наследству перешло.

– Ну вот зачем ты все так выворачиваешь? Попросил же тебя не истерить! – злится Аркадий, да все испытывает взглядом, а я отчего-то улыбаюсь.

В горле горечь, душу будто камень придавил, но в то же время слез нет. Давно, видно, высохли. Это какая-то другая обида саднит сердце.

– Смешно тебе, Оля? Думаешь, шучу?!

– Да какие уж шутки, Аркаша, если даже документы на развод мне к утреннему чаю привез?

– Тогда чего корчишь из себя благородную? – психует он.

Ей-богу, мне кажется, что ему сейчас лет восемнадцать, а не шестьдесят. Он был таким же вспылчивым, когда мы познакомились.

– А что мне нужно делать? Ты просил не истерить, я не истерю. Захотел уйти – отпускаю. Чего еще ты от меня сейчас хочешь? – первые слова выкатываются усталостью, а последние – с той самой болью, которую я уже давно не ощущала.

Она как-то заглохла, притупилась. Стала частью меня за эти долгие годы. А теперь вот – по-новой начинает рвать душу. Так же остро, как и в первый раз.

– Я хочу нормально все решить! Спокойно! А ты тут цирк устроила! Строишь из себя жертву, Магдалену всепрощающую. Хочешь, чтобы тебя пожалели, а меня мерзавцем выставить? Дочке плакаться будешь?

– Не смей! – отрезаю я. И в груди разрастается такая ярость, что Аркадий все считает по глазам. Отступает. – Не смей в это впутывать дочь. У нее своя жизнь и свои проблемы.

– Как же достала своей нравственностью! Вот поэтому я от тебя и ухожу. Ты меня душишь! Такая правильная, все делаешь идеально! Звезда больницы! Все тебя слушают, и даже главврач расхваливает, а я – так – твоя тень.

– Вот это, Аркаша, ты зря. Это я всегда была в этом доме твоей тенью.

– А теперь будешь Старой тенью! Развалюхой никому не нужной!

– Аркаша! – перебиваю его я. – Все сказал? Вот и иди. К молодой и свежей. Я свой песок за собой сама соберу, – говорю ему прямо в глаза, а у самой лишь одна мысль внутри:

«Нужно продержаться еще пару секунд. Чтобы он отвернулся, чтобы ушел. Чтобы у меня снова получилось вдохнуть, ведь сейчас какая-то невидимая сила схватила меня своей лапой прямо за горло и давит».

Давит. И давит так, что в груди тяжелеет, а кончики пальцев будто немеют.

– И уйду. А ты ищи себе коммуналку! На долю от квартиры тебе на большее не хватит! – выпаливает он. И, пожалуй, из всех пощечин, что он мне нанес, эта – самая оглушающая.

Мы не были идеальной парой, обижали друг друга, но до такой низости и угроз ни разу не опускались.

Когда он стал таким? В какой момент я это пропустила?

– Тьфу! – гневно плюется Аркадий и отворачивается от меня.

Видит, наверное, в моих глазах свое отражение.

– Аркаша, ты долго еще там? – Голос Натальи, доносящийся со двора, колоколом бьет в уши.

Аркадий тут же подхватывает чемодан, наспех дергает ручку, и вся одежда валится на пол.

Ну за что мне это?

– Наталья, зайди, помоги. А то тут безрукие! – еще и выпаливает муж. И тело разом от макушки до пят простреливает молнией ярости, а затем я слышу грохот.

Откуда он, понять не могу – в глазах вдруг потемнело. Зато слух улавливает топот, а затем и визг Натальи.

– Твою ж...! – Голос мужа. Непривычно испуганный. – Вызывай скорую, Наташка!

«Какую скорую?» – проносится мысль в голове, а затем звуки становятся вязкими.

Нет, я не могла упасть...

Не здесь, не при этих двоих, не так жалко и позорно. Я встану!

Но не получается... Даже пальцем пошевелить не могу. Онемели.

И губы не слушаются... Боль давит на грудь все сильнее. Я задыхаюсь, и внутри начинается паника. Та самая, которую однажды я уже ощутила – страх скорой смерти.

– Какую скорую? Она же притворяется! – визжит Наташка, затем опять возня, какой-то невнятный спор.

– погоди, Аркаша! Убери телефон! Через минуту ты будешь вдовцом и разводиться не придётся.

Это последнее, что я слышу. Затем неразборчивую ругань поглощает тишина.

Страх смерти отступает. И единственное, чего я сейчас хочу, это встать и, схватив какой-нибудь черенок от лопаты, отходить этих двух мерзавцев... А после и умереть можно... Без обид. Отомщенной.

Но Смерть решает за меня.

У нее свое расписание.

Мир ускользает, голоса стихают, и я больше ничего не чувствую. Меня самой как будто больше нет.

«Мама, спасибо, что никогда не жила для себя... Так еще не сказал ни один ребенок», – проносится в памяти голос уже давно повзрослевшей дочери: – «Ты сделала все для меня, терпела ради меня. Но оно мне было не надо, мам. Я бы предпочла, чтобы ты прожила свою жизнь счастливо. Чтобы мы ее счастливо прожили, а не терпя, потому что «так надо». Я очень люблю тебя, мама, и мне так тебя жаль»...

Тогда я ей не ответила, но сейчас сказала бы: «Да, будь у меня второй шанс, я бы все сделала иначе». Но уже поздно. Уже темно.

Уже меня нет, и исправить ничего нельзя в этой пустоте, в этой тишине, нарушаемой лишь тихим звуком... Кап-кап... Кап-кап...

Капли?

Точно они! Снова и снова, как будто бы дождь пошел. Поначалу он тихий, скромный, а затем начинает все сильнее тарабанить по стеклу. В нос льет сырой воздух с запахом горящих свечей и каких-то незнакомых мне трав.

Ощущения резко возвращаются – под попой твердо, спине неудобно, по телу пробегает дрожь от холода. А затем свет бьет мне прямо в глаза.

– Жива! Госпожа очнулась, Светлейший!

Глава 2. Незнакомцы

– Жива! Госпожа очнулась, Светлейший! – дрожит от слез незнакомый голос, а туманное зрение едва собирает нечеткие контуры женского лица.

Круглое, немного оплывшее, с маленькими губами и довольно крупным носом. Светлые волосы стянуты в пучок, а глаза блестят от слез.

– Погодите, дайте осмотреть, – рядом раздается еще голос, такой же тревожный, но в этот раз мужской.

Заплаканную женщину оттаскивают, передо мной нависает другая незнакомка. Она заглядывает мне в глаза, тут же отклоняется, зато на запястье я чувствую холод ее пальцев. Как раз в той зоне, где проверяют пульс.

Тишина, образовавшаяся вокруг, настораживает все сильнее, зато зрение становится предельно четким, будто кто-то надел очки. Но очков не подавали, а картинка перед глазами странная.

Темный, почти черный сводчатый потолок, исписанный непонятными символами, чем-то напоминающими руны. «Померла!», – проносится в голове, но женщина говорит иное:

– Хвала богам, жива и почти полностью здорова! – звучит облегчение в ее голосе.

Будем надеяться, что права она, а не я, и все же потолок мне не нравится.

Потому поднимаюсь на локтях, осторожно, чтобы спину не прихватило, и осматриваюсь вокруг.

Мда... Тут не только потолок странный, но и весь огромный зал: мрачный, темный, с кучей подсвечников и горящих свечей. А я еще думала, что за знакомый запах.

А вот тройка людей мне не знакомы, и на фельдшеров они совсем не похожи. Начиная, пожалуй, с одежды. Седовласый мужчина в годах облачен в белую мантию, женщина, которая проверяла пульс – тоже в белом наряде, но попроще. А вот первая дамочка, которая звала меня госпожой, так и вовсе стоит в темном платье, отдаленно напоминающем одежду среднего класса в викторианской эпохе: высокий ворот, закрытые руки, узенькие фонари на плечах.

«Что за дурдом?» – возникает логичный вопрос, но еще секунда, и замершая сцена превращается в представление похлеще.

Одна из дверей в зале резко отворяется, в помещение входит мужчина, облаченный в темную кожаную одежду и с маской, закрывающей все лицо. Он оглядывает зал, находит меня взглядом, и я даже с расстояния вижу, как вспыхивают нечеловеческим желтым огнем его глаза.

Он тут же отводит взгляд в сторону застывших свидетелей, в долю секунды вынимает самый настоящий меч из ножен и приставляет сверкающее в полумраке лезвие к горлу мужчины в белой мантии.

Глава 3. Жена генерала

– Что здесь происходит? Почему она в таком виде?! – рычит незнакомец, и все присутствующие, включая меня, вздрагивают.

– Мы проводили обряд для зачатия, – лепечет старец.

Ну, точно дурдом. Или секта... Нашли, над кем обряд зачатия проводить. Над бабулькой, которой за шестьдесят! Хотя обычно я о себе не люблю так говорить, но сейчас иначе и не скажешь.

– Взгляд опусти! Это жена генерала, и она одета ненадлежаще! – рычит воин с мечом.

– Что вы, я же служитель богов! – охает старец.

– Вы евнух?! Закон для всех одинаков! – рычит «маска», и старец тут же опускает голову.

А воин зыркает в сторону застывших женщин:

– Как вы это допустили, Вириан, сами расскажете хозяину. А сейчас отвечайте, в каком состоянии госпожа?

– Она здорова, но обряд опять потерпел неудачу, – шепчет та самая дама в коричневом платье. Перепугана так, что вся дрожит.

Меня тоже пробирает дрожь, и холод заползает под белую вполне приличную ночную сорочку.

Но дрожу я скорее от шока перед этим шоу.

– Тогда подготовьте госпожу. Она еще позавчера должна была быть дома, – рычит воин, а затем убирает нож, кланяется мне, и, так и не подняв головы, уходит прочь, забирая с собой старца.

Женщины тут же куда-то кидаются, а я только и моргаю, глядя на закрытую дверь, а после и вовсе застываю, когда хочу себя ущипнуть, но руки оказываются вовсе не моими.

Худенькие такие, тонкие, без единой морщинки, зато с идеальным маникюром.

– Госпожа, мы сейчас все принесем! – кричит Вириан, а у меня тут ноги следующие для осмотра.

Красивые, стройные, гладкие, будто мне снова лет двадцать. Следом хватаю и волосы – длинные густые каштановые кудри вместо короткого крашеного блонда из-за седины. А затем касаюсь лица. Молодое и, судя по всему, тоже не мое.

Невозможно! Быть такого не может!

Предсмертные галлюцинации? А может, я сплю? Щипаю себя за руку, а боль такая реальная, что вмиг отрезвляет, но ничего не меняется.

Да как же это так?

– Госпожа, прошу вас, давайте поторопимся, – подбегает с платьем Вириан, ошарашенно смотрит на меня, а я кое-что соображаю.

Что бы тут ни происходило, в сумасшедшие записываться нельзя.

Потому беру себя в руки и позволяю женщинам облачить меня в какое-то серое платье с таким же высоким воротом, длинными рукавами да еще и корсетом.

За сорок лет работы в больнице я навидалась всякого. Научилась держать лицо даже в самых страшных ситуациях.

Может, именно поэтому сейчас истерика мгновенно исчезает, а мозг начинает методично анализировать происходящее, как очередной сложный случай.

Пока Вириан и дама в белом суетятся, успеваю подметить, что из них двоих именно первая может помочь мне понять, что тут происходит. Но пока не спрашиваю, осматриваюсь, подмечая каждую деталь, включая узоры на стенах и потолке зала, а затем и кучу людей в белых мантиях в коридоре, куда мы выходим.

Они стоят, склонив головы, будто провожая, а сам воин ждет у входа. Едва заметив нас с Вириан, «маска» пересекает зал и указывает на какую-то высокую арку.

– Вас ждут, – отсекает он, и я бы с радостью поторопилась, но за аркой находится только глухая каменная стена.

Однако Вириан это не смущает. Она, подхватив меня под локоть, заводит меня в эту самую арку. Мужчина в маске шагает следом, клацает по алой пуговке на своем черном плаще, и в глаза бьет вспышка.

Секунда-вторая, свет исчезает. Смаргиваю появившиеся слезы в глазах, и с удивлением наблюдаю, что нет уже того мрачного коридора. Мы стоим посреди просторного холла с черными мраморными полами и белыми стенами, а все свободное место занимают сундуки и коробки, перетянутые красными лентами, точно подарки.

– Вам сюда, – говорит «маска», указывая на двери, а сам отступает на два шага назад.

Не нравится мне все это. Ох, как не нравится, и все же приходится шагнуть в огромный зал, размером с три моих квартиры.

Взгляд тут же привлекает дюжина слуг, выстроившихся в линию. Один за другим они переводят на меня взгляды, но звук тяжелых, глухих шагов отвлекает, и все внимание к себе приковывает он. Высокий мужчина с суровым, будто высеченным из камня, лицом.

На вид ему больше тридцати не дашь, а вот длинные волосы странного цвета – не седые, но и не черные. Мощную грудь и узкую талию подчеркивает темно-серый камзол, увешанным золотыми эполетами на широких плечах.

Значит, это и есть генерал? Красив, и будь я помоложе и наивнее, сказала бы: «упакуйте, беру!», но сейчас уже как-то не хочется. Да и от него пышет какой-то странной пугающей аурой.

«Тишины бы, да любимое дело», – только и звенит в голове. И дочь, еще раз дочь увидеть хочу. Узнать, что у нее все хорошо.

– Оливия, – генерал называет вовсе не мое имя, но дрожь от его голоса проходит по телу.

Странное чувство, давно позабытое, похожее на первобытный страх, вспыхивает в глубинах души, заставляя разум считать, что я оказалась в логове опасного зверя.

И суровый взгляд ледяных голубых глаз генерала, пронзающий насквозь, лишь усугубляет мои опасения.

– Отнесите вещи новой госпожи и отведите ее в комнату, – приказывает генерал.

И слуги тут же начинают суетиться. Одни бегут к выходу, другие направляются к окну. Там и замечаю красивую блондинку лет двадцати трех.

Она выглядит вполне довольной, хлопает своими большими невинными глазами и опускает голову, лишь когда безропотно проходит мимо генерала. Но, поравнявшись со мной, позволяет себе обронить злорадную ухмылку. Хорошо знакомый мне сигнал...

Глава 4. Старая опять

Но взгляды слуг, пропитанные жалостью, куда хуже. Они ввинчиваются в душу, вызывая болезненные воспоминания из моей настоящей жизни.

Точно так же на меня смотрела мать, когда я пришла с малюткой на руках и одной лишь сумкой к ней и сказала, что Аркадий мне изменил. Я поймала его в собственной квартире, в собственной постели.

Думала, что умру от боли, что не прощу предательства, а мать все шептала: «Ну куда ты одна с ребенком? Думаешь, твой отец был идеальным? Но с ним у нас хотя бы было что кушать. Потерпи. Видишь же, что происходит. Союз разваливается, есть и так уже нечего. Что ты сделаешь одна с ребенком? Где будешь жить, в нашей коммуналке? И себя, и дочь погубить хочешь?»

Я не хотела ее слушать, думала, что справлюсь, что смогу. Что злость станет моим топливом, но кризис ударил слишком сильно, а Аркадий стоял на коленях под дождем три дня, вымаливая прощения.

В груди давило от боли, на руках плакала Ангелина, которую уже через несколько лет дворовые ребята звали бы «безотцовщина, мать тебя нагуляла», несмотря на правду.

И тогда я вернулась. Заставила себя потерпеть, а потом и поверила, что Аркадий осознал ошибку... Не осознал. Они вообще не осознают.

– Господин генерал, что значит «Новая госпожа»? – суетится Вириан, вырывая меня из воспоминаний.

Цепляется в мой локоть так, будто меня сейчас в сторону должно повести.

Но если отчего и поведет, то не от новости о новой госпоже, не от горя разбитого сердца, а от наглости этого генерала и странной, будто бы даже нечеловеческой, ауры, пропитавшей тут каждый атом.

– Оставь нас, – отрезает он, и помощница, с трудом отрывая от меня пальцы, уходит.

Высокие белые двери закрываются с тихим грохотом, и воздуха в этом огромном зале мгновенно становится меньше. А генерал, как назло, делает несколько медленных шагов в мою сторону.

– Ты должна была явиться вчера, – рычит сквозь стиснутые зубы, а брови нахмурены так, что между ними пролегла глубокая морщинка. – Знаю, что обряд пошел не так, как надо, и мне это порядком надоело.

«Верю, что твоей жене это надоело куда больше! Это ведь она едва не умерла, а не ты!», – так и хочется ему напомнить, но ума смолчать пока что мне хватает. Хотя я много бы что сказала этому гаду.

Аркадий хоть прощение под дождем просил, а у этого ни в одном глазу вины не видно, еще и рычит. Пилит взглядом, давит почти осязаемо. Давно такого в моей жизни не случилось, и вот уж не думала, что когда-нибудь случится.

– Ты ведь все поняла, Оливия? – хмурится сильнее и будто ждет от меня полного повиновения.

– Что именно я должна была понять? Речь о новой госпоже? – спрашиваю, ибо я тут вообще ничего не понимаю, а разобраться хочется, пока меня в еще какой-нибудь портал не запихнули.

Я, знаете ли, может, и в новом здоровом теле, но сердце у меня уже настрадавшееся.

– Еще и ерничаешь? – злится генерал, а после и вовсе позволяет себе неслыханную наглость.

Хватает меня своими пальцами за подбородок, вынуждая посмотреть в его глаза, и страх протекает по телу ледяными потоками. Такой сильный страх, что даже дышать перестаю, только и ловлю на коже дыхание этого злобного зверя.

– Восемь лет, Оливия. Уже достаточно. Ты сама должна понимать, что стареешь. Люция займет твое место моей официальной жены, – выдает этот гад. И, если бы не страх, я бы ему влепила.

Это Аркаше я влепить не могла. Ни силы в руках, ни желания пачкаться. Там уже все было мертво, а здесь и нечему появляться.

Бежать от такого надо, бежать! И я бы даже в старом теле ускакала, но сейчас и шага сделать не могу.

Слишком уж пугает этот тип. Но его пальцы все же смахиваю.

Никто на меня руку не поднимал в моей прежней жизни! И в этой не дам!

Генерал не спешит отвечать, но взглядом прожигает так, что ему и говорить не нужно. Эх, если бы только знала, как устроен этот мир, то уже задала бы жару! Или, как минимум, хлопнула бы дверь, но я понятия не имею, где тут выход и куда идти.

Потому действую иначе.

– Хорошо, – киваю ему, делая голос холодным и строгим.

Замечаю, как меняется лицо генерала.

Он, кажется, ждал либо слез и падения в ноги, либо препираний. Он был в этом уверен.

Кто знает, сколько боли испытала его настоящая жена, сколько отчаяния, до того как моя душа угодила в ее тело. Кто знает, как она любила мужа и на что была готова.

Но она – не я.

– Значит, мне собирать вещи? – выдавливаю также спокойно, добавляя в головушку генерала побольше неразберихи. Пусть помучается за всех женщин. Такой точно не одну обидел.

– Ты думаешь, я выгоню тебя, Оливия? – хмурится он. – Ты останешься при мне, как низложенная. Твои вещи уже перенесли в северное крыло.

О, как хорошо устроился! Знать бы еще, что у них значит низложенная. Служанка? Вторая жена? Наложница, которую можно навещать, пока она не полностью еще заржавела?

Это он пусть молоденьким предлагает, а я на старости лет больше не буду терпеть прихоти тех, кто возомнил себя хозяевами моей жизни. И раз судьба дала мне второй шанс, да еще и в новом теле, я все сделаю иначе.

«Я еще здесь лишь потому, что не знаю, как все устроено. Но будь уверен, генерал, скоро мы попрощаемся», – обещаю ему взглядом, не знаю, понимает ли он. Но кажется, что вокруг него даже воздух начинает искрить.

Страшно... Слишком страшно, но не на ту бабку он напал.

– Могу идти? – выдавливаю из себя, еще и умудряюсь натянуть на губы пресную улыбку, как делала та его новая фифа.

Генерал ведет бровью, явно ожидая от меня чего-то другого. Всматривается все внимательней, пристальней. Наклоняется, черт бы его побрал, да так, что уже опалает мятным дыханием.

Ох, как давно мне и мысли не приходило в голову кому-то врезать, но сейчас хочется. Очень. Но жить хочется больше.

– Иди, – решает он, все еще прокручивая что-то в своей темной голове, и я тут же разворачиваюсь на пятках.

Не рассчитав легкости нового юного тела, прокручиваюсь куда быстрее привычного, и, кажется, даже попадаю хвостом по носу этого зверя, но собранности не теряю.

Держу спину ровно, пока каблуки стучат по отполированному мраморному полу.

Шаг, еще один, третий. Двери открывать не приходится, их отворяют слуги, а в холле меня ждет побледневшая добела Вириан.

Вот она мне сейчас и покажет, где здесь северное крыло, а заодно и расскажет, во что я вляпалась и как из этого выбраться.

Глава 5. Северное крыло

Вириан ведет меня в северное крыло, и чем больше я осматриваюсь, тем чаще ловлю себя на мысли, что происходящее не может быть реальным. Может, я в коме? Может, еще что-то, чему наука пока не нашла объяснения?

Зажмуриваюсь несколько раз, в надежде очнуться в своем теле и, дай бог, в пригодном для самостоятельной жизни состоянии, но ничего не меняется. Не то чтобы я очень стремилась к той жизни, но пару дел уладить нужно. И дочь услышать хочу... Очень.

Но что бы это ни было, сон или новая жизнь, – оно не развеивается и продолжается. Нужно собраться.

Касаюсь кончиками пальцев одной из белых колонн. Гладкая, холодная. Как и все в этом доме. Этот холод отрезвляет, заставляет голову работать лучше.

Мы минуем лестницу, затем проходим еще один холл. И, что подозрительно, за все это время я не увидела ни единого портрета «счастливой» пары Оливии и генерала, их родственников или предков. Может, здесь так принято? Но что-то подсказывает, что в любом из миров портреты быть должны. А их нет. Совсем.

Зато есть гобелены и картины, поражающие детальной проработкой пейзажи. Множество вазонов с цветами у массивных белоснежных колонн, делающих коридоры чем-то напоминающими зимний сад.

Да это здание вообще можно ассоциировать с чем угодно, но никак ни с домом. Потолки высоченные, сводчатые, люстры то ли позолоченные, то ли в самом деле золотые.

На светлых стенах – канделябры. И тоже золотые. Музей, дворец, но никак не дом. Ни капли уюта, но и не мне здесь жить, и не мне его создавать.

Тут теперь новая хозяйка, а я все топаю за Вириан дальше.

Топаю и думаю, что и на даче теперь будет новая хозяйка, если я в самом деле померла. Теперь ей и квартира, и дача, и мои гортензии с малиной и закрутками.

Да что там, бог с ними. Я с дочерью не попрощалась – вот что поистине саднит душу так, что пальцы немеют.

Но Ангелина у меня молодец, сильная девочка. Намного сильнее меня...

– Сюда, – зовет Вириан.

Весь путь она молчала, и после одного сказанного слова вновь стихла. Мы поворачиваем из белого светлого холла в более темный и узкий коридор. Золотые канделябры сменяются бронзой, а вазонов с цветами здесь нет. И воздух ощущается более холодным. Будто, в самом деле, к Северному Полюсу идем.

Пройдя еще метров пять, Вириан останавливается у высоких темных дверей, отворяет их и кланяется, мол, заходите.

Захожу, оглядываюсь, ожидая увидеть какую-нибудь разруху. Но, вынуждена признать, что быть разжалованной в этом мире шикарнее, чем замужней и якобы любимой в моем.

Тут не комнатка, тут целые покои, размером со всю нашу с Аркашей двушку. Окна, конечно, не пластиковые, но зато штуки три вдоль всей стены.

Гардины тяжелые, добротные. В центре на узорчатом ковре стоят два дивана и два кресла в бархатной обивке оливкового цвета. Меж ними – кофейный столик с вазочкой, в которой стоит несколько белых роз. Почему-то шесть... Надеюсь, это не намек.

У стен – несколько комодов и буфет, и широкие распахнутые двери, через которые виднеется кровать.

«Неплохо», – отмечаю про себя, а если еще и кормить будут и убирать... Но стоит только вспомнить хозяина этого дома, который может сюда захаживать и что-то требовать, как желание сразу сходит на нет.

– Вириан, – зову женщину, которая в отличие от меня даже не спешила разглядывать место «ссылки» низложенной жены, а стояла у стеночки и тихо вздыхала. – Присядем?

– Как скажете, хозяйка, – говорит она, и тут как начнет реветь взахлеб, что я даже пугаюсь.

Взрослая женщина, лет сорок точно есть, а так расплакалась. Знать бы, где еще достать платок.

Благо, на столе находятся салфетки.

– Вириан, возьми себя в руки. Никто ведь не умер, – говорю я ей.

Хотя, как мне кажется, это Оливия сейчас должна реветь, а служанка ее утешать.

– Не умер, госпожа, не умер. Хвала богам, хозяин от вас насовсем не отказался, и развода не потребовал пока, – говорит она. – Простите, госпожа, простите! Сердце за вас так болит. Вы ведь так старались, все для него делали. Даже готовить научились, такие напекали блины. Сколько раз свои нежные пальчики обожгли.

Знакомо звучит, даже очень. Пальцы я, конечно, не обжигала, а вот весь быт тянула сама. И знала ведь, понимала, что это нечестно.

Пару раз даже пыталась что-то предпринять, намекнуть по-мягкому, что, мол, вместе же работаем, а я порой и больше. Но в итоге решила, что проще делать все самой, чем просить и слышать тирады в ответ.

– За что же он так с вами, госпожа? – все причитает Вириан, да так, будто хоронит заживо.

Потому и не могу не спросить:

– Стать низложенной женой так плохо?

Женщина тут же перестает плакать, кидает в меня такой взгляд, будто я спросила, почему рыбы плавают, а не летают.

Ясное дело, я знала, что вопросы будут вызывать недоумение, как и мое поведение, наверняка отличающееся от поведения прежней хозяйки.

– Не смотри так, Вириан, прошлый обряд так сильно ударил по мне, что я едва вспомнила, кто я, когда очнулась, – говорю женщине. – Сейчас уже лучше, но в голове туман. А я не хочу, чтобы... – Лишь сейчас понимаю, что даже не знаю имя генерала, а по должности звать его не стоит. – Муж об этом знал.

– Госпожа... – шепчет Вириан, да смотрит на меня так, будто я умерла да воскресла. – Оно, может, и к лучшему, что все так стало. А то я гадаю, отчего вы спокойны. Думала, уж не лишились ли рассудка?!

– Пока что нет, и лучше бы мне вспомнить все, пока другие не прознали. В смутные времена не стоит открывать свои слабости другим.

– Да, вы правы, моя госпожа. Я расскажу, я вам все расскажу, – обещает Вириан, а мне лишь остается задавать правильные и менее подозрительные вопросы.

Глава 6. Части мозаики

Просыпаюсь с первыми красками рассвета по привычке, и взгляд упирается в темно-бордовый балдахин той самой чужой постели, в которой я уснула вчера после долгих разговоров с Вириан.

В воздухе еще витает аромат белых роз, а на тумбочке возле кровати лежат местные вестники, которые я попросила принести, чтобы не казаться уж слишком подозрительной в своих вопросах. А их было у меня много.

Чего только стоило сдержаться, когда Вириан назвала генерала драконом. Сначала я, конечно, решила, что это образное выражение. Мать моя тоже иногда Аркашу крокодилом называла, но чем дольше слушала я Вириан, тем четче понимала, что никакой образности в ее словах нет.

Вот и засыпала с мыслями о том, что мир магический, и муж у меня нынче, тоже почти бывший, дракон. Хотя чего удивляться после того, как меня в этот дом перенесли через какую-то арку?

Однако я все еще надеялась, что проснусь в своей постели, раздам на орехи тем, кто заслужил, позвоню той, по кому искренне скучаю, но нет. Орехи раздать получится, видимо, местным. А скучать придется и дальше.

Распрашивать Вириан о том, как устроен мир, я сильно не стала, это было бы слишком подозрительно. Сколько раз я видела людей с амнезией. Они не помнят, кто они, но не удивятся при виде автомобиля.

Вот и мне пришлось делать вид, что слово «дракон» – для меня вполне привычная вещь, а недостаток информации пыталась возместить прессой. Полезно, но дыры в понимании остались.

Так же, как и вопросы касательно жизни Оливии.

– Такие высокопочтенные господа, как лорд Кайрон, обычно выбирают в жены самых юных и красивых. Вы тоже красивы, моя госпожа. Но вам было уже двадцать пять, когда из всех претенденток, он остановил выбор именно на вас, – так мне сказала Вириан.

Еще и добавила, что к двадцати семи Оливия считалась бы старой девой.

Почему все случилось именно так, Вириан не знала, а я не стала сильно спрашивать. Может, полюбил, а потом «состарилась» и новой крови захотелось, новой страсти. Кто знает? Может, дело было лишь в наследниках.

Но то, что Оливия красива, я оспорить не могла и не хотела. Темные пышные волосы, милое бледное личико. Карие большие глаза, вот только в их глубинах уже успела поселиться знакомая мне усталость. Та самая, когда стараешься, а этого то ли не видят, то ли видеть не хотят. Не ценят...

– Ох, госпожа, сколько вы всего делали, чтобы понести. Сначала, конечно, ждали. Да и хозяин часто в разъездах был. Служба у него больно важная. Но на третий год вы совсем пригорюнились, – рассказывала мне Вириан.

– И тогда пошла на обряды? – предположила я.

– Нет. Сначала травы, настойки. Ваш отец толковым лекарем был, – сказала она, и я обрадовалась и огорчилась.

Лекарь ведь значит доктор, а это мне знакомо, и мир уже не кажется чужим. Но «был», означало, что отца уже нет. А мать Оливии умерла, когда та была еще малышкой.

– Как он скончался, вы совсем отчаялись. Правда, хозяин нашел для вас жрецов, все организовал, но даже это не помогло. А теперь вот... – Вириан притихла, чтобы не сказать «вы списаны со счетов».

Значит, мне тридцать два. Возраст в самом деле, немаленький, и если дело только в деторождении, то я, может быть, и смогла бы понять зацикленного лишь на себе самом генерала. Но он сказал: «ты стареешь».

Он будто просто прикрылся законом для того, чтобы отдать место жены другой. Судить не хочу – мир не мой. Но и соглашаться с положением, особенно после того, что Вириан мне рассказала, не буду.

– Низложенная жена – как тень. Ни живая, ни мертвая. Для общества ее почти нет. Так, потеха. Повод для насмешек. А для домашних она существует. Для супруга – обслуга в ночи, коль соскучится. Для новой хозяйки – по праву никто. Нельзя ее трогать, согласно закону. Но чаще бывает, изводят, – говорила Вириан. – Кому понравится, что бывшая жена мозолит глаза? Вот и шпыняют, чтоб сгинула. То ли бояться. То ли просто злые.

Злые, не злые – не знаю. Но факт один вынести могу: ничего в жизни не меняется. Ни в одном из миров.

Кроме меню на завтрак.

– Что желаете, госпожа? – спрашивает Вириан, придя ко мне в девятом часу и сильно удивившись, что будить меня не нужно.

Но вот с одеждой от помощи не откажусь. И кто придумал, столько юбок и корсеты?

– Давай что-нибудь питательное, но нежирное, – отвечаю я, ибо дел предстоит еще много. За один день разобраться в происходящем нельзя.

– И свежую прессу... То есть вестники принеси, – прошу и тут же исправляюсь я.

Вириан возвращается быстро, принеся и местные газеты, и целый поднос с едой.

– Ох, госпожа, как же грустно, что теперь вы вынуждены завтракать и обедать тут, – вздыхает она, а меня вполне все сейчас устраивает.

Еда есть. Время, чтобы разобраться, тоже есть. «Вот бы еще не трогали», – думаю я.

Но, как говорила бабушка: «Не сглазь».

Громкий стук раздается в двери ближе к полудню, и в покои разжалованной жены входит не только новая хозяйка дома, но и шесть слуг вместе с ней...

Глава 7. Знакомы?

Люция неспешно проходит в комнату, позволяя сопровождению зайти за ней следом и расположиться у стены. А затем останавливается в нескольких метрах от меня.

Кивать в знак приветствия, или как тут принято, не спешит. Позволяет мне рассмотреть себя – это выдают и ее поза, и слегка вздернутый вверх подбородок.

Чего таить, Люция красива. Волосы почти как золото, даже переливаются в высокой прическе, украшенной заколками с изумрудами. Эти же камешки блестят в серьгах. А вот на пальчике колечко другое – уже с прозрачным камешком размером с карат. Видимо, обручальное.

Его и пытается продемонстрировать незваная гостья, медленно донельзя протягивая руку к своей груди, как бы приветствуя, слегка склонив голову.

– Как же я рада вас видеть, Оливия. Простите, что при таких обстоятельствах, – звенит тонкий голосок, а я цепляюсь за обращение.

Звучит оно так, будто мы с Люцией знакомы. Или мне показалось? Надеюсь, что второе, но интуиция в таких делах редко меня подводит.

Кидаю взгляд на слуг, остановившихся у дверей. Две молоденькие девушки заметно отличаются прическами и злорадными выражениями лиц. Должно быть, прибыли к дому вместе с новой хозяйкой.

А вот остальные четверо стоят так, будто их на казнь привели. Головы опустили, но посматривают, ожидая недоброго.

И чуйка подсказывает мне то же самое. Неспроста новая хозяйка сюда пожаловала.

– И вам доброго дня, Люция, – таким же делано вежливым тоном приветствую девушку.

А поскольку она уже успела прошуршать своими зелеными юбками к одному из диванов, где я и расположилась, почитывая прессу, добавляю:

– Присаживайтесь.

– Благодарю, – отзывается Люция, а затем всматривается в меня так, будто взглядом впиться в лицо пытается.

Я держу свою маску спокойно. Даже глазом не веду, хотя от девушки так прет хитростью и злостью, что даже запах ее сладких духов перебивает.

– Что-то не так? – спрашиваю, оставаясь предельно вежливой, и Люции это, явно, не нравится.

Она все пытается разглядеть во мне хоть каплю паники или злости, но натывается лишь на прохладную улыбку.

– Ну что вы? Я просто поверить не могу. Так рада, что вы не злитесь на меня, – решив, что бой «взглядами» не вышел, продолжает игру.

Вот только слова никак не соответствуют ее выражению лица, повадкам и даже тону.

Это все выглядит как фарс, цель которого несложно предположить. Заставить низложенную жену выйти из себя, а затем обвинить в грубости и нападках, плача в плечо благородного мужа, который должен будет ее от злой бывшей защитить.

Но эту партию я ей не проиграю, хоть она и вылитая Наталья. Только похитрее и в разы красивее.

– Зачем же мне на вас злиться, Люция? – таким же шелковым голосом спрашиваю я. – Это жизнь, всякое в ней происходит.

– Ну как же, вы столько для меня сделали, а тут... Такое, – вздыхает Люция и в этот раз играет вполне натурально.

Нужно отдать ей должное, будь я немного наивнее, сейчас могла бы купиться. Ни хитрого блеска в голубых глазах, который горел в момент, когда девушка вошла, ни задранного носа – нет. Сама невинность.

«Это подкупает мужчин?» – мелькает вечный вопрос в голове, но тут же его отметаю. Всю жизнь старалась быть любимой. Ухаживала за собой, наслушавшись историй о том, что изменяют лишь тем, кто себя запустил. Не пилила, была понимающей, хвалила. Не помогло. А теперь уже и не надо.

Надо придумать, что ей сказать, ведь я понятия не имею, что именно Оливия сделала для нее. Зато теперь не сомневаюсь, что они были знакомы. Насколько же близко, черт подери?

И уже от этого вопроса становится и больно, и противно. Ладно, если бы незнакомка согласилась стать женой твоего мужа, но та, для кого ты «сделала столько»... До одури становится тошно, но лицо нужно держать.

И отвечать уже пора. Свидетели смотрят.

– Былое – пустяки, – с улыбкой выдавливаю я. – Да и ничего особенного я не сделала.

– Какие же это пустяки? Вы ведь меня всему женскому мастерству и научили, наставница, – с садистским наслаждением добавляет Люция, а я застываю на миг.

Как она только что меня назвала?

Глава 8. Осечка

Что? Как она меня назвала? Наставницей?

Точно, Вириан рассказывала, что Оливия посещала Женские Академии Кротости вместе с другими distinguished женами. Получить подобное приглашение было честью, ведь это означало, что женщина – пример для подражания. Умна, элегантна, красива, скромна.

Порой эти distinguished жены соглашались брать наставничество над юными девами, обучая их «женскому мастерству», которое включало в себя танцы, поведение и даже то, как ты ешь и пьешь.

Об этом говорит сейчас Люция?

Кидаю быстрый взгляд на Вириан и понимаю, что она тоже не знала о том, что Люция была одной из таких учениц. Но стоит только осознать, так Вириан аж передергивает.

Меня это возмущает не меньше. Ведь получается, что Люция подсидела ту, которая ее всему женскому и научила?

От одной только мысли об этом в горле встает ком, а новая жена, будто учуяв, с наслаждением продолжает:

– Именно благодаря вашим наставлениям я стала королевой кротости на отборе в академии, а затем и самой завидной невестой, – хвастается она и, как назло, спрашивает: – Вы ведь помните, как здорово мы проводили это время?

Помню? Ей повезло, что это была не я... Я не Оливия, но стукнуть такую ученицу очень хочется, но тут полно лишних глаз, и нужно держать лицо и не проколоться. Знать бы еще, что ей ответить.

Кидаю быстрый взгляд в Вириан – она едва сдерживает злость, но, заметив мой взгляд, тут же понимает, что нужна ее помощь. Мы такие моменты еще утром проговорили.

– Ох, у госпожи было так много визитов в женские академии, что всех подопечных и не упомнить. И все они занимали победные места. Наша госпожа очень талантлива и скромна, – только и рада выпалить Вириан.

А я даже ощущаю некое удовлетворение, глядя, как при этом вытягивается лицо Люции, но она тут же берет себя в руки.

– Ах да, конечно! Вам ведь уже давно за тридцать. Я не подумала об этом.

С какой же дельной невинностью и наслаждением она произносит эти слова. Пытается задеть и действует уже менее осторожно.

– Жаль, что годы никого не щадят, – выдает Люция, как бы ни на что не намекая, и тянется к чашечке чая, ожидая, что я вот-вот взорвусь.

– Вы пришли, чтобы напомнить мне о возрасте, который настигает всех и каждую? – уточняю я, и ни грамма злости не звучит в словах.

Мне так-то было шестьдесят, а тридцать два – это цветочки. Не то оружие она взяла.

– Не подумайте, я не хотела вас обидеть. А пришла я затем, чтобы сообщить, что понятия не имела, что лорд Кайрон – ваш супруг, – выдает девушка, и вот тут сложно держать лицо.

Из разговора с Вириан я уже успела понять, что я ношу фамилию супруга. А раз я была наставницей, то Люция точно обращалась ко мне так в те времена.

Вириан в этот самый момент тихонько фыркает, уже не в силах выносить этот фарс.

А незваная гостья тут же реагирует, не зная, к чему еще придраться.

– Ваша служанка плохо воспитана! – строго отсекает она. – Ну, ничего. Я ею займусь и отныне сделаю все, как надо, чтобы мой муж был доволен!

– Ну что вы, Люция, не усердствуйте так. Оставьте служанку в покое. У вас и так скоро дел будет навалом, – говорю ей я.

– Что вы имеете в виду?

– Как ты думаешь, милая, почему я совсем не сержусь? – спрашиваю гостью. – Мне в радость отдать тебе статус официальной жены. Так что не переживай обо мне, и навещать необязательно. Я буду тихо-мирно поживать и никого не трогать.

– Думаете, я вам поверю? – На секунду с лица интриганки слетает маска, но Люция тут же берет себя в руки и возвращает сладкий голосок. – Как же вы можете так спокойно принять свое унижительное положение?

– Ну отчего же оно унижительное? Я могу заняться своим любимым делом, а вы – своим. Дом – ваш, муж – ваш, все ночи с ним – тоже ваши отныне, хвала небесам.

– Что? – Округляются глаза Люции, и она тут же вскакивает на ноги. – Что значит, хвала небесам? Вы хотите сказать, что генерал плох в постели?! – выпаливает, да так, что даже Вириан вздрагивает.

Я такого не говорила и даже ввиду не имела, но теперь вот думаю, стоит ли ее переубеждать?

– Кхм, – раздается хриплый рычащий кашель, и в дверях моих покоев появляется тот самый генерал.

Глава 9. Это ревность?

Едва лорд Кайрон, он же генерал-дракон, который вчера разжаловал меня из жен, входит в комнату, как все вокруг застывают как статуи.

Я тоже на секунду замираю, но лишь потому, что от него вновь исходит та пугающая аура, пробуждающая первобытный страх. Она пропитывает весь воздух так, что сам дракон начинает казаться чуть ли не в два раза огромнее. Хотя он и в чистом виде под два метра ростом и настолько широкоплечий, что занимает весь дверной проем.

В полной тишине лорд разрезает начищенными до блеска черными сапогами воздух, окидывает взглядом зал и останавливается на моей низложенной персоне, застывшей на диване.

В этот момент и понимаю, что лучше бы отмереть, если не собираюсь и в этой жизни кому-то подчиняться. Под давящим до невозможности взглядом спокойно ставлю чашку на краешек стола, и тонкий «дзынь» приводит в чувства остальных.

Первой спохватывается Люция. Тут же подскакивает с легкостью птички и подлетает к генералу.

– Ох, дорогой мой супруг, – Люция светится улыбкой, но тут же делает несчастное невинное личико, – не ожидала увидеть вас здесь.

Генерал отвечать не спешит, зато продолжает пилить меня взглядом так, будто на части разделяет. Да уж. Этот тип опаснее Аркаши будет раз в сто. От одного его вида неприятные мурашки, и ноги просятся сбежать.

Чего так пялится? Он вообще слышал вопрос новой жены?

– Кхм, – откашливается генерал и все же позволяет перевести взгляд со старой развалюхи на милую молоденькую жену.

Я же устраиваюсь поудобнее, чтобы понаблюдать за шоу, а заодно и сделать пару выводов.

– Я тоже не ожидал увидеть тебя здесь, Люция, – отвечает генерал. Спокойно. Даже как-то прохладно. Но эта его злющая аура продолжает утяжелять воздух. – Полагал, что в первые дни своего пребывания, ты будешь осматривать главные зоны и сад, а не северное крыло.

– Пока вы были заняты, я не могла не поприветствовать Оливию, – напевает Люция. А я только сейчас понимаю, что обращается она к нему на «вы». Может, так принято? И мне нужно? – А после хотела показать вам кое-что в саду. Вы ведь уже освободились?

Глаза так и горят, желая увести генерала от старой коварной жены.

Я не против. Уводите, уходите. Потому и поднимаю со стола чашку почти остывшего чая и делаю глоток. Но вижу, зараза, что этот самый муж выходить передумал. А ведь только что, кажется, собирался, чтоб его.

– Прибуду через пять минут, Люция, – говорит он, и этого достаточно, чтобы слуги поняли, что пора на выход.

И не только слуги, но и сама Люция. Мда... Мне бы тоже на ее месте не понравилось, что муж собрался поговорить наедине с бывшей женой, даже если он планирует рычать.

Но, благо, дело не мое. Мне нужно только пару дней, чтобы до конца во всем разобраться, и если не проснусь, то определюсь, чем и где заняться, а пока...

Ловлю гневный взгляд молодой жены и встречаю его равнодушно. Но вот когда под давящим взглядом генерала выходит даже Вириан, мне отчего-то очень хочется выйти вместе с ней.

Но, увы, темные двери уже плотно закрываются, и мы с генералом остаемся совсем одни, будто отрезанные от целого мира.

Секунда проходит. Вторая. Третья. Уже минута идет, а генерал не спешит начинать разговор.

Все смотрит, да так, будто думает, с какой стороны лучше начать препарировать. И от его давящего тяжелого взгляда начинает казаться, что даже воздух стал плотнее.

Но, раз говорить он не спешит, вновь подхватываю чашку и неспешно делаю глоток.

– Ты это специально? – отчитывает генерал.

Значит, еще помнит, как говорить.

– Что именно? Вашу новую жену я сюда не приглашала.

– Еще и отшучиваешься? – подмечает он. – С каждым днем открываешься все с новых и новых сторон.

«Если бы дома бывал почаще, то, наверное, сразу бы понял, что я вообще не твоя жена!», – проскальзывает мысль в голове, но мудрости не ляпнуть, хватает. А генерал тем временем продолжает:

– Что за глупые шутки, Оливия? Раз решила напугать Люцию, могла бы придумать что-нибудь получше.

– Я ничего не придумала. Это Люция меня не так поняла.

– И что же ты же такого сказала, что она смогла понять тебя настолько не так? – спрашивает генерал, а я лишь пожимаю плечами.

– Что, хвала богам, теперь она, а не я ваша жена и на ложе не претендую, – спокойно отвечаю я.

И чего только стоит выражение его лица. Кажется, у него головной процессор сломался. Стоит, переваривает и, кажется, не верит мне. Да, точно. Уже и ухмылка полоснула губы.

– В самом деле?

– Почему все мужчины уверены, что женщины за них будут бороться? Вы списали меня со счетов, а я умываю руки. И буду искренне благодарна, если вы позволите мне в тишине и покое дожить свой век, – решаю заключить сделку, раз уж разговор сам в это русло зашел. Но генералу такой расклад совсем не нравится.

Этот громадный мужчина чуть ли не подпрыгивает на месте, а затем, кажется, находит всему объяснение:

– Ты головой повредила? – решает он. Еще бы, как же иначе? Не может же быть такого, чтобы от него отказалась ненужная жена?

– Постарела, – отчего-то не могу отказать себе в желании напомнить ему его же слова, а генерал как вспыхнет.

Ей богу! Глыба льда пышущая синим пламенем... Невидимым, конечно, но осязаемым настолько, что даже воздух начинает обжигать.

– Оливия! – рычит Кайрон так, что я едва чашку не роняю из рук, а затем срабатывает этот мой дурацкий защитный рефлекс.

– С ума сошли? На жену орать будете! – выпаливаю я в точности ту фразу, какую ни раз говорила на работе, если кто-то срывался. Эта фраза никогда мне не нравилась, но как-то приелась и стала уже частью меня. Защитной реакцией, которая сейчас сработала вовсе не во благо, а во зло.

Не дыша смотрю на генерала, а он уже пересекает комнату, и не медленно, как в прошлый раз, а быстро. Даже с дивана встать не успеваю, как он уже нависает надо мной.

Еще и руки кладет по обе стороны плеч моих, чтоб не сбежала.

– Ты пытаешься заставить меня ревновать? – прищуривается Кайрон.

Я не отвечаю, но вовсе не оттого, что сказать нечего, а потому, что с его зрачками творится полнейшая ерунда. Они пульсируют, черт подери!

– Оливия! – рычит этот черт и подается еще ближе, да так, что на рефлексах вписываюсь в спинку дивана, а гад и не думает остановиться. Нависает еще ближе, опаяя меня своим огненным дыханием.

И смотрит... Смотрит так гневно, будто я у него кучу золота украла. Выискивает что-то. Рьяно, нетерпеливо. А мне этой пары секунд хватает, чтобы наплевать на творящуюся с

его зрачками ерунду и заглушить инстинкты самосохранения, реагирующие на зверскую ауру этого существа.

– Зачем мне это, лорд Кайрон? Я давно остыла. И вы бы лучше отошли, – советую ему, а голос сочится усталостью и равнодушием, к которому этот непревзойденный дракон, кажется, совсем не готов.

Глава 10. Качели

Вижу, как огонь в его глазах вспыхивает еще сильнее. Зрачки уже не просто пульсируют – они будто пытаются вытянуться в вертикальные линии. Что за чертовщина?!

А генерал, пользуясь моим замешательством и нарастающим страхом, еще и запускает руку мне в волосы. Тело будто импульсами прошибает, а душу разрывает тот самый дикий страх и не менее сильное желание закричать: «Ты чего удумал, гад?!». Хотя что он удумал и так понятно!

Я на поцелуи не напрашивалась и согласие не давала! Раз красивый и статусный все можно, что ли? А вот и нет! Сейчас как...

– Славно, – вдруг останавливается генерал, когда я только справляюсь со страхом и рыпаюсь, чтобы оттолкнуть и выпалить ему целую гневную тираду.

Опережает практически на долю секунды и сам отстраняется от меня, резко возвращая нормальный прохладный воздух, взамен огненно-мятного дыхания. Да еще и с таким видом, будто играл со мной, как кот с мышью.

Зрачки его возвращаются в нормальное состояние, а вот мои глаза, кажется, вот-вот выпадут из орбит.

Это вообще что такое сейчас было?

– Надеюсь, это правда, – добавляет он, еще и отряхивает черный камзол так, будто на него успела упасть пыль.

У этого дракона все в порядке с головой? Припер к стенке, пальцы мне в волосы запустил, чего-то там хотел, а потом «вот и хорошо, что ты остыла»?

У него, что, игры такие? Проверки?

Дурдом!

– Но все же... Я позову лекаря, – решает генерал, а затем великодушно награждает жалкую меня своим подозрительным взглядом. Намекает, что крышей поехала? – Ты ведь не будешь возражать?

Возражать не буду, а вот выпороть была бы не против, хотя до этого момента даже не думала, что могу пожелать подобного.

Но в самом деле! Он будто издевается, испытывает вместо того, чтобы уже просто уйти и унести с собой и злющую ауру, и эти «эмоциональные качели для молодых».

– Не возражаю, – отвечаю максимально равнодушно, а он, видимо, ждал иного.

Ждал, что откажусь?

Да и если бы отказалась, кто стал бы меня слушать? Уж точно не этот... Драконище. А так я хотя бы прощупаю у этого самого лекаря, нет ли местечка для меня у них в госпитале, или как это здесь называется.

– Вот и договорились. Если что-то понадобится, передай через Вириан, – решает генерал и, убедившись, что его камзол достаточно чист, роняет какую-то опасную ухмылку и шагает к выходу.

Не останавливается, не оборачивается. Сам открывает двери, сам закрывает их за собой. Я же только и хлопаю ресницами, пытаюсь вновь и вновь переварить, что тут сейчас произошло.

Ей богу, этот дракон ненормальный! Пришел, порычал, повисал, опалил лицо и губы дыханием, а потом ухмыльнулся и смылся? Это что еще за эмоциональные качели для молодых?!

Неужели он Оливию на таких качелях всегда качал? Бедная девочка. Если так, то ей точно понадобился бы доктор. В лучшем случае психолог, в худшем – психиатр. С таким-то мужем!

«Бежать отсюда надо, еще раз говорю!» – заключаю я и только сейчас понимаю, что задумалась настолько сильно, что даже не заметила, как Вириан вернулась.

Стоит вся бледная, испуганная, будто собралась меня хоронить. И поводов переживать у нее более, чем предостаточно!

Не ровен час, когда Люция вернется с более продуманной провокацией, или дракон в сотый раз что-то себе передумает. Он вообще какой-то нестабильный, и что самое ужасное – имеет силу и власть. Вдруг в другой раз не остановится? А чисто физически я не смогу его остановить! О, нет! Чур меня, чур!

– Вириан, – тут же решительно обращаюсь к помощнице.

План пересидеть, пока во всем не разберусь, меняется на более рискованный план.

Глава 11. Она что-нибудь выкинет

Генерал Кайрон:

Еще одна ночь в замке проходит тихо. Слишком тихо. Потому этим утром я жду лакея в числе первых, а его все нет и нет. Догадываюсь, почему.

Еще вчера и позавчера он прибежал каждые четыре часа, чтобы доложить о положении дел в доме, но я всякий раз отправлял его обратно.

– Господин, вы просили доложить, – приходил он с этими словами, а уходил с одинаковым ответом от меня.

– Что-то критичное и требующее моего незамедлительного вмешательства? – спрашивал я, не отрывая взгляда от бумаг с заставы. Не сказать, что работа была неотложной, но я привык сначала разбираться с первостепенными задачами, а после – с личными.

– Н-нет, – отвечал лакей.

– Тогда ступай, доложишь в следующий раз, – отсылал я его вновь и вновь, погружался в отчеты по провизии и обмундированию.

На вид подсчеты были верными, но нюх меня никогда не подводит. И этот нюх говорит, что надо бы наведаться и лично проверить то самое обмундирование, на которое казной выделились деньги. Да и с провизией может быть не все чисто.

Как раз две недели назад встретил капитана, отслужившего на северном пограничье. Худ был настолько, что за швабру спрятаться мог. От хорошего пайка такие формы не приобретают.

Этими вопросами и занимался, а в подкорке так и сидело ожидание того, что Оливия что-нибудь да выкинет. Обязательно выкинет. Не смогла бы она спокойно принять новое положение, особенно учитывая то, что с ней творилось в последние полгода.

Но первая ночь прошла тихо, да и утром, когда лакей вновь вернулся, ответ на вопрос: «Требуется мое вмешательство?» был отрицательным.

– Мне зайти позже? – только и спросил он, ожидая привычной команды, но я его не отпустил.

– Постой. – Отложил бумаги и скользнул взглядом по немного неуклюжему и перекошенному пареньку. Он такой с детства – тяжело болел почти до двадцати – и потому ни образования, ни хорошей работы получить не смог. Зато смекалистый и преданный. Именно потому при себе и держу.

– Д-да, господин? – протянул рыжий. Трусливо, что мне не нравится в людях, но если придирается ко всему, то рядом никого не останется. Благо, это единственный недостаток Петро.

– А чем занята твоя бывшая хозяйка, что так тихо?

Вопрос был простым, а Петро занервничал.

– Голодовку объявила? – тот же приходит на ум, а рыжий отрицательно качает головой.

– Никак нет. И ужин съела, и завтрак. Аппетит у хозяйки хороший, – докладывает он.

Занятно. Я думал, забастовка будет первым, что она предпримет. Еще собирался пораскинуть мозгами на эту тему, но было некогда. А сейчас оказалось, что и не нужно.

– То есть с ней все в полном порядке и никаких странностей? – уточняю я, и где-то внутри даже испытываю облегчение, но стоит Петро только кивнуть, как душу жует подозрение.

Да не может такого быть! Мы будто не об одной женщине с ним говорим.

– Ну-ка расскажи, чем именно она занималась.

– Вчера весь вечер с Вириан разговаривала, к ночи вестники та служанка ей понесла. С утра тоже вестники. Целую стопку, – сообщает лакей.

Вестники? Стопку?

– О столичных сплетнях в высшем обществе? – предполагаю я, а Петро опять удивляет.

– Нет, господин. Самые разные. И о политике, и даже журнал географии, – выдает он, и вот тут-то становится совсем подозрительно.

Зачем Оливии подобное? Она отродясь, кроме моды, балов и всяких шаманских трав, ничем не интересовалась. Побег задумала? Или решила образование подтянуть?

– Ладно, свободен, – кивнул я ему.

И стоило Петро только толкнуть дверь, как на пороге застыл Сумрак. Имя у этого вояки совершенно другое, но я даже в мыслях зову его именно так. Ему эта кличка подходит, отлично характеризует его сущность, и даже то, что он всегда скрывает лицо под маской.

Он и докладывает за закрытыми дверями о тайном деле, которое я ему поручил. М-да, проблем прибавилось, не вовремя я перестановку кадров в замке решил устроить, но и оттягивать было уже некуда.

– Наблюдай и докладывай, – велю шпиону, и он исчезает так же быстро и тихо, как и появился, а я, пораскинув мозгами еще несколько минут, решаю навестить Оливию.

Навестил... Себе на голову...

Вот и просидел потом половину вечера, решая звать ли столичного лекаря или с дворца запросить. Во избежание, так сказать. Нет, скорее всего, тут все просто, как и всегда. Нечего искать загадки там, где их точно быть не может. Оливия рано или поздно сделает то, что должна. А это лишь затишье перед бурей. Я уверен.

Потому и отмел ненужные назойливые мысли, а утром, как и положено, все в голове встало на свои места. Все четко, по полочкам, в мыслях порядок, правильная расстановка приоритетов, в груди – привычная пустота.

А то, что было вчера, уже не имеет совершенно никакого значения. Я себя знаю, к сожалению, слишком хорошо, и потому подобного не повторится. Даже если я этого сам захочу.

Есть в этом мире кое-что, что даже мне не доступно. И оно и не нужно. Разум всегда должен быть холодным, чтобы принимать сложные, но необходимые решения.

Этим и занимаюсь все утро вплоть до обеда, после назначена встреча со жрецом. Нужно проверить, все ли готово к обряду с Люцией, но Оливия решает выкинуть номер прямо в этот момент.

С таким доносом и прибегает Петро в третьем часу. А карие глаза его на пол лица. Испуган? А вот я не удивлен.

«Так и знал, что она долго не продержится. А еще говорила, что остыла», – мысленно вздыхаю я, нехотя поднимаясь из-за стола, но то, что меня ждет...

Нет, не ревность она хотела вызвать... А ярость, Тьма меня возьми!

Глава 12. План

Ольга-Оливия:

Алый закат заглядывает в окна, раскидывая тени по огромным холодным покоем.

Вириан сидит напротив, так и не прикоснувшись к чашке чая. Тербит пальцами, лишенным маникюра, белый платок и шмыгает носом.

– Вы точно этого хотите, моя госпожа? – только и спрашивает она, и смотрит так, будто я собралась голову в пчелиный улей засунуть.

– Да, – киваю и терпеливо жду, пока она, наконец-то, ответит на заданный мной пять минут назад вопрос.

– Развестись-то по закону можете, но, может, еще подумаете? Это ведь окончательно, бесповоротно. Разве ж вы справитесь со всем сама? – говорит в точности слова моей мамы, сказанные так много лет назад.

Разве что, мама еще говорила: «Кому ты будешь нужна с прицепом?». Но я уже не хочу быть КОМУ-ТО нужна, а я хочу быть нужной Себе.

– Я свободы хочу, Вириан, и тишины, – говорю от сердца.

– Но здесь хотя бы содержание хорошее, и господин вас в обиду не даст. Он справедливый, – продолжает убеждать помощница.

А я лишь горько усмехаюсь:

– Он уже дал меня в обиду, когда привел сюда новенькую молоденькую хозяйку.

Восемь лет... Восемь лет брака ничего для него не стоили.

И может, я бы попыталась понять его острую нужду в наследнике, если бы не знала о том, что он сам редко бывал дома.

Женщины – не инкубаторы. Женщины живут чувствами, эмоциями, отсюда все и идет. Даже сорок лет назад профессор нам говорил, что все болезни от головы, кроме... Кхм... Одной.

– У меня ведь было какое-то имущество до свадьбы? Папа лекарем был, значит, и наследство могло остаться. Напомни, какое именно, Вириан, – прошу женщину.

В чужом мире с пока еще неясной системой на улице жить не хочется. Но красотка Люция уже один раз наведальась, наведается еще. А эти перепады настроения лорда... До сих пор потряхивает.

Вот поэтому и надо быстро понять, какими ресурсами я обладаю, и уходить в безопасность.

– Госпожа, ваш батюшка был очень уважаемым лекарем, но много добра у него не водилось. Все, что мог, нуждающимся раздавал. Лишь дом столичный остался, и тот продали пару лет назад. Вы не смогли туда приходиться, а жалко было, чтобы прозябал, – сообщает Вириан, и меня тут же охватывает та самая способность женщин ругаться матом одним лишь взглядом.

Ну как можно было продать «зачачку», когда брак не клеился? А он точно не клеился, иначе девочка бы не бегала по обрядам, рискуя жизнью.

Чувствовала ведь, догадывалась, что от нее могут отказаться, а дом продала... Или муж продал?

Да какая теперь разница? Нужно понять, на что жить, когда отсюда уйду.

– А деньги я какие-нибудь накопила? – еще не теряю надежду.

– Хозяин всегда был щедрым, но вы покупали наряды, устраивали приемы, тратили почти все. А потом даже украшения тайком продавали, чтобы на обряды ходить. Что-то еще, конечно, осталось, но надолго этого не хватит, – сообщает Вириан, тяжело вздыхая.

М-да... Перспективы удручающие, и внутри вновь возникает та самая опасная мысль, с которой я жила год за годом, пока была Ольгой Семеновой: «А может, потерпеть? Немного... Чутьочку, пока не станет лучше. Оно так надежнее будет, а потом...»

А потом я снова потерплю. И снова, и опять...

Уходить в неизвестность – глупо, рискованно. Но и здесь не лучше.

Там, в той другой жизни, я не могла рисковать. Я должна была в первую очередь думать о своей маленькой крошке, должна была дать ей все, что могу, и даже то, чего не могу.

Я должна была в первую очередь думать о ней... И я думала, и считала, что поступаю правильно...

А она, повзрослев, стала делать все наоборот. «Я выбираю себя», – говорила Ангелина. И я считала, что это очередной бунт, что с годами она станет мудрее, терпимее. Но одного я не учла.

Моя малышка выросла сильной и смелой, она делала то, на что я никогда не решалась. И она, молю вас боги, чтобы это было именно так, счастлива...

Никому ничего не должна, живет для себя. Муж ей изменил, еще и угрожал, что без копейки оставит, а Ангелина ему такое устроила, что он поседел раньше времени. В этом она хороша. Теперь вот новый мужчина у нее хороший. И клининг ей, и машину, свадьбу хочет и деток планируют. «Потому что я ценю себя, мам, и на меньшее не соглашаюсь», – говорила она мне вечерами. А затем вспоминала знаменитые слова: «С мужчиной должно быть хорошо, а плохо я и без него смогу. Хотя не, и без него шикарно буду жить». И смеялась... Как она смеялась...

– Госпожа, – обращается Вириан, а я лишь сейчас понимаю, что глаза наполнились слезами от воспоминаний.

И даже не хочу эти слезы вытирать, не хочу больше казаться смелой и сильной, если мне больно в этот момент. Я скучаю... Очень, моя доченька.

Но ты сильнее меня, ты справишься лучше меня, а я... Я тоже буду жить для себя и выбирать себя.

– Вириан, организуй мне тайную встречу с законником, – решаю я. Вот только понятия в этот момент не имею, каким скандалом все это закончится. И не в разводе даже будет дело...

Глава 13. Лекарь для «лекаря»

Следующим утром я, увы, опять просыпаюсь Оливией. А значит, мое вчерашнее решение было верным, и не зря я полночи подсчитывала украшения и прикидывала, на сколько этого хватит.

Негусто, нужно признать, но с голоду точно не помру, а там найду работу.

Хоть что-то в этом перерождении хорошее есть – руки не трясутся, глаза видят четко, и опыт прошлых лет хирургом сейчас со мной. Не пропаду, а может, даже полезной буду.

– Где же он? – Все сильнее нервничает Вириан, ожидая прихода законника сразу после завтрака.

Я тоже волнуюсь не меньше. Вот только прикидываю разные планы в голове, а в это время Вириан мечется по покоям, то поправляя салфетки на столике, то передвигая вазу с четырьмя цветками в пятый раз. Ей-богу, одну розу нужно выкинуть...

– Может, стоило самим поехать? – переживает Вириан и тут же напоминает самой себе то, что вчера сказала мне.

– Нет-нет. Хозяин отдал строгий приказ не выпускать вас без сопровождения. Так что вы хорошо все придумали, если законник явится сюда под видом лекаря, ничего страшного не будет, – успокаивает она себя.

А же благодарно киваю, в который раз убеждаясь, что Вириан умница. А вот «лекарь» наш что-то не торопится, хотя вчера четко сообщил помощнице время. Полчаса, как должен быть здесь, а его все нет.

К полудню начинаю нервничать еще сильнее. Вдруг план раскрыли? Вдруг что-то пошло не так? От напряжения начинает даже казаться, что четыре стены, в которых я сижу уже несколько дней, давят сильнее.

– Давай-ка прогуляемся по саду, Вириан. Это ведь мне разрешено? – говорю я.

Но собираюсь не гулять, а послушать по дороге, о чем шепчутся слуги, и что происходит в доме.

– Конечно! – кивает Вириан и тут же набрасывает мне на плечи накидку, хотя день жаркий и солнечный.

Не спорю, чтобы быстрее выйти, но вот туфель для прогулки в покоях почему-то нет.

– Не принесли? Я мигом все исправлю! – восклицает помощница и действительно возвращается быстро, держа в руках изящные черные туфельки с золотыми ремешками.

Переобувшись, неспешно выхожу из покоев, как подобает истинной леди. Мрачноватый коридор ведет не к парадной лестнице, а той скромной, что ближе к северному крылу.

– Ох, Вириан, вот вы где! – окликает кто-то служанку, когда я спускаюсь на пару ступеней.

Останавливаюсь, хочу обернуться, чтобы взглянуть на говорящего, но у подножия лестницы появляется он... Молодой красивый шатен с правильными чертами лица и умными карими глазами.

На вид ему и тридцати не дашь, но взгляд серьезный, как у судьи в момент приговора, хотя одет он в белую мантию с алым треугольником на левой половине груди.

Погодите... Это и есть «лекарь»-законник, которого мы ждали?

– Простите за опоздание, – произносит он под пристальным взглядом хмурого сутулого дворецкого и спешит вверх по лестнице.

Но не проходит и половины пути, как его нога соскальзывает. Папка взмывает в воздух, а сам мужчина катится кубарем вниз по мраморным ступеням.

– Боги! – в ужасе кричит Вириан, бросаясь к нему.

Я тоже спешу на помощь, но годы работы в «Скорой» научили: если врач убьется из-за спешки, помочь больному уже никто не сможет. Поэтому чуть сбавляю шаг, а Вириан опережает и... Поскальзывается на том же месте, где едва не убили законник.

Чудом успеваю ее подхватить!

– Цела?! – спешу узнать, а сердце колотится от страха.

Вириан кивает, а я кидаю быстрый взгляд на злосчастные ступени. В том месте белый мрамор блестит сильнее обычного. Маслом намазан? Неважно, сейчас важнее человек, который упал с лестницы и не встает!

– Лекаря! – вопит дворецкий, склонившийся над законником, а затем вскакивает на ноги и несется прочь как ошпаренный.

Я же, осторожно спустившись, тут же осматриваю пострадавшего. Он в полусознании. Глаза закатываются, дыхание сбито. Даже сквозь одежду видно, что одна сторона грудной клетки вздута. Ощупываю ребра, злясь, что под рукой нет рентгена, но там точно перелом!

– Хозяйка, вы что?! – пугается Вириан, когда я прикладываю ухо к груди законника.

Слева все в порядке, а справа дыхания почти неслышно, и сердцебиение указывает на тахикардию. Вот же не повезло этому законнику именно так упасть!

– Когда придет лекарь? – только и спрашиваю я.

– Отсюда до ближайшего лекаря минут десять бега, а обратно – и того больше, – выдает Вириан, и это очень-очень плохо!

Если я не ошибаюсь в своем суждении, то законник лекаря не дожидается...

Судя по внешним признакам, у него пневмоторакс. А значит, у нас максимум пятнадцать минут, чтобы кто-то сделал прокол между вторым и третьим ребром, иначе очень вероятен летальный исход.

Сама лезть не хочу, очень надеюсь, что лекарь каким-то чудом все же успеет! А если не успеет... Так, хотя бы все подготовлю.

– Неси спирт и длинную толстую иглу! – приказываю Вириан.

– Зачем? – охает она.

– Неси! – поторапливаю, и помощница тут же исчезает в дверях.

А я тем временем решаю расстегнуть на груди мужчины пуговицы, чтобы убедиться, что не ошиблась в предположении, и чтобы лекарь потом на это время не терял.

Справляюсь быстро. Пальцы не дрожат как последний год, что радует. И зрение нынче острее. Если бы здоровье не подвело, я бы до сих пор оперировала, а так консультировала в последние полгода, преподавала. Но сейчас не об этом. Где лекарь и дворецкий, черт возьми?!

Их все нет, да и Вириан еще не вернулась. А у мужчины минут пять от силы осталось...

– Боги! – застывает в дверях Вириан, глядя то на меня, то на полураздетого пациента.

– Давай скорее! – тороплю ее, а Вириан и не думает двигаться с места.

Приходится самой подбежать и забрать из ее рук поднос с большой банкой. Судя по запаху, содержимое там, что нужно. И игла подходящего размера рядом лежит.

– Хозяйка... Вам же нельзя касаться других мужчин! Тем более, их раздевать нельзя!

О чем-то подобном она уже упоминала вскользь, вот только сейчас я действую на рефлексах. А в последние сорок лет рефлекс в таких случаях у меня был один – спасти!

– Я должна ему помочь, Вириан.

– Но вас за это могут наказать! Это все о-о-очень нехорошо!

– Дать ему умереть – вот что нехорошо! Полей мне на руки! – велю Вириан, проигнорировав ее предостережение, а женщина так оторопела, что помогать не думает.

Что ж, справлюсь сама. Ждать лекаря времени больше нет.

– Если хозяин увидит...

– Закрой двери! – велю ей, и хотя бы в этот раз Вириан слушается, а я дезинфицирую все, что нужно, нащупываю точку и...

– А если вы не поможете, а наоборот, его убьете? – лепечет где-то за спиной помощница, но сейчас не до сомнений, нужно правильно сделать прокол.

Нашла! Давайте, молодые руки, не подведите!

– Хозяйка! – вновь писк, но мне уже все равно.

Плевральная пункция сделана, и свистящий воздух, выходящий из отверстия тому прямое подтверждение.

«Жив. Он будет жить», – только и звучит у меня в голове одна мысль, а на тело опускается такая волна тяжести, что, кажется, сама сейчас упаду. Но адреналин все еще шумит в крови, а взгляд бесцельно скользит по темному холлу, пока не наткнется на силуэт на верхних ступенях той самой лестницы.

Лиция! А вот о ней-то я совсем забыла...

– Где он? – доносится с другой стороны хриплый строгий голос, от которого кожу будто ледяные иглы пронзают.

Оборачиваюсь к двери и слышу, как стремительно приближаются тяжелые шаги. Вириан бледнеет, чуть ли не плачет, но ничего не может сделать, когда секундой спустя темные двери распахиваются.

Генерал Кайрон собственной персоной переступает порог и вдруг застывает, увидев меня.

– Оливия? – изгибается в удивлении его темная бровь.

Но стоит дракону заметить лежащего на полу за мной полуголого мужчину, как лицо Кайрона перекашивается до неузнавания. В глазах вспыхивает такое пламя, что меня за несколько метров пробирает жалящими искрами, а Люция в этот самый момент орет:

– Какой ужас! Вы хоть и низложенная, но все еще жена лорда Кайрона! Как вы посмели быть с другим мужчиной?!

Глава 14. Развод?

После оглушительного крика новой леди Кайрон в холле повисает такая мертвая тишина, что кажется, она вовек не нарушится. И лишь тяжелое дыхание генерала-дракона перебивает эту тишину.

Генерал кидает взгляд к полуобнаженному мужчине. Не знаю, что «муж» там видит, учитывая, что «лекарь»-законник наполовину закрыт моим силуэтом, но брови его хмурятся так, что меж ними пролегает большая заметная складка.

Да и плевать на нее. Еще хорошо бы, если бы я на пугающую ауру генерала с такой же легкостью наплевала, но увы. У нее какое-то магическое свойство.

Однако этого недостаточно, чтобы заставить меня пещься о муже, променявшем жену, как старую перчатку, на новую игрушку. Потому и хочу вернуться к пациенту.

– Не смей! – тихий приказ дракона ледяными иглами вонзается в кожу.

А затем он, обнаружив, что свидетели в виде слуг, слетелись сюда, как пчелы на мед, приказывает:

– Все вон.

Приглушенный рык звучит так, что все органы застывают, будто меня кинули в жидкий азот. Кажется, сама комната вибрирует от его гнева, и воздух потрескивает от невидимой энергии.

– Я неясно сказал? Все вон отсюда и лекаря сюда!

Еще приглушенный один рык. Еще один взгляд, полный такой ярости, что даже голос повышать не нужно, чтобы услышавшие сами пожелали выйти из окна верхнего этажа во избежание гнева обладателя этого голоса.

И эти услышавшие тут же разбегаются, включая Люцию, лишь Вириан остается застывшей, как статуя, и... Я. Каждый мускул в теле натянут как струна, готовая вот-вот лопнуть.

– Я не могу его оставить, – выдаю генералу, несмотря на этот лютый, необъяснимый страх перед ним...

Видит бог, никого я в своей жизни не боялась так, как этого мужчину. Были случаи в жизни, особенно когда мы с мужем в молодости жили далеко, и добираться приходилось на электричке. Мне казалось, что весь свой страх я испытала в то время, но это совсем иное чувство, вовсе не привычное мне.

Меня будто перед королем тут поставили. И одно его слово – голова слетит с плеч.

– Вириан, – тихо, почти неслышно рычит генерал, и служанка тут же вздрагивает, не понимая, чего от нее хотят.

Хвала богам, в коридоре раздается топот, и секундой спустя сюда забегает тот самый рыжий дворецкий, а с ним еще трое господ в белых мантиях.

– Х-хозяин, – запинается дворецкий, застыв вместе с делегацией лекарей, прямо за спиной дракона. – Лекари прибыли...

А дракон отвечать не спешит, хотя здесь кто-то может умереть. Пункция – это лишь отсрочка, нужны прочие манипуляции. И хвала богам, что хоть кто-то это понимает.

– Позвольте осмотреть больного? – едва слышно шепчет седовласый старец с длинной бородой, и все поглядывает испуганно то на меня, то на дракона. Да так, будто еще пара секунд, и отсюда трупы надо будет вносить.

Точнее один труп. Мой.

Но я помирать не собираюсь! И не склоню виновато головы, как все здесь того ждут!

– Осмотрите, – велит дракон, даже не глядя на лекаря. Все пытается препарировать меня взглядом, и, что самое ужасное, у него это отчасти получается. – Оливия, следуйте за мной.

Последние слова звучат почти как приговор. Правила мне известны, но я спасала жизнь и виновной себя не считаю. И сама могу спросить с кое-кого за лестницу!

Вириан легонько подталкивает меня к выходу, а я краем глаза смотрю на лекарей и законника. Хоть бы эти товарищи в белых мантиях не навредили ему. Хоть бы доказали правильность моих действий! Кто знает, что у них тут считается нормой?

– Вириан, – рычит генерал так, будто она моя нянечка, а со мной говорить бесполезно, а затем кидает взгляд на «белые мантии». – Он должен выжить.

– Поняли, ваша Светлость! – чуть ли не в ноги кланяются те, забыв на эти мгновения даже о пациенте.

Вириан легонько подталкивает меня к нетерпимому генералу и буквально молит взглядом не напортачить...

У меня к Вириан тоже есть просьба, которую я быстренько нашептываю ей на ухо, а затем смотрю в глаза, чтобы убедиться, что она меня правильно поняла.

– Это важно, – добавляю ей, сжимаю сухие теплые пальцы помощницы и после следую за грозным драконом.

Прохожу высокие распахнутые двери, и теперь стук каблучков глухим эхом отдается от стен коридора. Еще одна высокая дверь открывается тихо, без скрипа – здесь весь дом «отрегулирован» идеально. И только его хозяин, учинивший такой порядок, сам не вписывается в атмосферу.

Поначалу казался холодным, лютым, а затем стал огненным, пугающим. Он не сухой и пресный, он непредсказуемый. И потому я и представить пока что не могу, что ждет «мою светлость» сегодня.

Следую за ним и готовлюсь к любой возможной атаке. А эта его аура удушает, угнетает, даже когда я просто смотрю в широкую спину.

Генерал первым переступает порог кабинета, проходит внутрь, ожидая меня. Я же кидая взгляд в конец коридора, где находится малый холл, и надеюсь, что Вириан не подведет, а затем, гордо подняв голову, вхожу в большой просторный кабинет.

Увы, все в нем мрачное и темное от стола до плотных штор – под стать хозяину. Белый холл, чтобы пустить пыль в глаза гостям, и черный офис – как сама душа.

– Разглядываешь мебель в такой-то момент? – выдает мне дракон, заметив, что я смотрю не на него, а анализирую окружающую обстановку.

– Прощаюсь с ней, – отвечаю ему, кинув строгий и дельно бесстрашный взгляд прямо в глаза дракону.

Боги! Лучше бы не смотрела. Страх льдом опалает кожу, будто какой-то магией, даже приходится сглотнуть вставший поперек горла ком, но я не отступаю. Смотрю уверенно, и дракону это не нравится.

– Ты в своем уме, Оливия?! – кажется, он собирается взорваться, разнести здесь все, но сдерживается.

Даже не кричит, пока еще не рычит – шипит на меня, и этого достаточно, чтобы инстинкт самосохранения просигналил: «Беги!».

Нет уж. Набегалась.

– Ты хоть понимаешь, что сейчас натворила?! Ты... С этим... Законником! В холле! – выплевывает он.

Ага, значит, генерал в курсе, что ко мне шел не лекарь, а законник.

– Нечего сказать? – теперь рычит, да так, что волосы встают дыбом, но я страха не покажу.

– Вы ждете извинений или правды? – парирую я, вскинув смело подбородок. – Если первого, то их не будет. Если второе, то я спасла человеку жизнь! – выпаливаю, а генерала уже от этих слов перекашивает.

– Спасла? – не верит.

По взгляду дракона понятно, он уверен, что я чушь какую-то порю! Пристально смотрит, пытаюсь понять, в своем ли я вообще уме, а я стою спокойно, равнодушно. По крайней мере, отлично держу эту маску.

– Именно так. Или вы думаете, что ваша старая жена настолько выжила из ума, что лекаря прямо в холле, где нас могут увидеть, раздеть решила?

– Оливия!!!

От генерала пышет уже не холодом, а ярим огнем. Но и во мне сейчас разгорается такое пламя, что уже не только его, но саму себя боюсь!

– А он, видимо, от счастья в обморок упал? – продолжаю я, ибо как же этот гад сейчас бесит! – Не вам вообще меня упрекать в подобном! Вы сами новую жену привели.

– Это допускается законом!

– А справедливостью? А честью это допускается, Ваша Светлость?! – выпаливаю я, и дракон застывает, будто ему только что вlepили пощечину. – Вы пытаетесь отчитать меня за то, что я человеку жизнь спасла. Вы ведь видели иглу!

– Так ты ему этой иглой жизнь спасала? – выпаливает дракон, а в глазах так и горит: «Кого ты пытаешься сейчас обмануть, женщина?».

Тебя! И еще обману, поверь! Но сейчас правду говорю.

– Именно ей! У него скопился воздух, он мог умереть прямо на моих глазах. Я сделала то, что должна была!

– И откуда же тебе такие варварские способы известны?!

По-прежнему не верит. Плевать. Подожду, что скажут лекари. Мир, может, другой, но я смогу по фактам разложить свои действия.

– От отца и узнала. А вы, видимо, так хорошо мной интересовались за время брака, что даже не разглядели талант! – колю этого дракона. Не знаю, правда ли это, но сейчас и неважно. Отныне эта жизнь моя. – Чем сейчас меня обвинять, лучше бы спросили, как этот законник вообще упал!

– Как упал, я узнаю. Непременно, Оливия! Но мне куда больше интересно, что он вообще здесь делал под личиной лекаря? Нет! Куда важнее то, что ты, моя жена, коснулась обнаженного мужчины на глазах не только слуг, но и королевских лекарей! – выпаливает он, и, клянусь, если бы не сдерживался, здесь бы не только хрусталь, но и стены дрожали от его гнева.

– Ах вот что вас интересует, – подытоживаю я. – Что скажут люди, да? Прекрасно!

– Ты, видимо, не понимаешь, что ты делаешь и на что себя обрекаешь!

– Себя? А может, вас? Это ведь о вас начнут судачить, господин генерал, что за женой не уследили. Но не волнуйтесь. Раз вы так беспокоитесь о своей репутации, мой позор вас не коснется!

– Правда? – с издевкой спрашивает дракон. – Я за тебя отвечаю. И все твои действия – тень на всю семью!

– Вы не отвечаете. Вы отвечали, генерал. Я больше не желаю быть частью этого гарема. Я требую развод! – выпаливаю дракону, вздёрнув голову, а он застывает так, будто ему сейчас ледяной водой в лицо плеснули.

– Что... Ты... Сказала? – выдавливаю из себя слово за словом, будто выстрелы, генерал, и шаги его идут в такт медленной речи.

Он наступает на меня почти в упор. И также в упор смотрит в глаза, будто разбирая на запчасти. Будто я сейчас сказала то, за что мне нужно вырвать язык.

Волна страха, отступившего из-за ярости, вновь охватывает с головой. Ненавижу эту ауру. Ненавижу себя за дрожь в коленях, но головы не опущу.

– Я. Требую. Развод, генерал!

Глава 15. Один-ноль

Сама не знаю, как мне даются эти слова. Но получилось сказать, и хорошо. Радуюсь, а генерал стоит неподвижно. Почти не дышит, а крылья его аристократического носа раздуты.

И не отводит взгляд. Будто морально сломать хочет, или... Что-то упорно выискивает во мне?

«Ищи, я от своего не отступлю», – мысленно посылаю сигнал, и дракон хоть на пару сантиметров, но отстраняется.

– Ты не в себе, – решает он.

Чего еще ожидать? Потому и усмехаюсь. Горько, больно.

– Настолько привыкли к тому, что за вами все влачатся, Ваша Светлость? – мотаю головой. – И раз я больше этого не делаю, то сразу записали в сумасшедшие?

– Это все с тобой сделали обряды, – уверен он.

Не слышит. Не хочет слышать. Не привык. А может, вообще никогда и не пытался даже.

– Неважно, что было прежде, – сообщаю ему спокойно, почти равнодушно. Но боль и усталость все равно проскальзывают в интонациях. Я не скрываю. Больше незачем. – Отныне я быть с вами не хочу. Я хочу свободы, лорд Кайрон. Дайте мне ее по доброй воле, или я сама ее добьюсь.

Слова сказаны тихо, почти неслышно, но дают такой эффект, будто сейчас раскат грома прошелся над головами, а затем все стихло так, будто сам мир перестал существовать.

– Добьешься? – переспрашивает генерал.

Смотрю ему в глаза, и уже не в силах понять, что там происходит в его голове. Во что он верит или не верит. Устала.

– Ах да, вы ведь в силах меня запереть, – вспоминаю я.

Может, он это имеет в виду? Что ж, мне есть что ответить.

– Но зачем вам со мной возиться? У вас отныне новая прекрасная жена. Она подарит вам красивых здоровых деток. Все будут счастливы, – говорю я, а он смотрит на меня ну точно, как на ненормальную.

Молчит. Долго молчит. А затем спрашивает:

– Хочешь уйти с позором из этого дома? – говорит тихо, даже приглушенно. Но лишь первую фразу, затем вновь начинает рычать. – Ты хоть понимаешь, о чем просишь? Нет, ты точно не в себе.

– Вас это больше не должно касаться. И позвольте напомнить о том, что я только что натворила. Вам нужно пятно на репутации семьи?

– Оливия! – рычит генерал. – Я взял за тебя ответственность! И буду исполнять ее до конца.

Ага, ну хоть что-то отчасти хорошее в этом человеке все же нашлось. Не любовь, не забота, так хоть ответственность.

– Боюсь, такими темпами, в этом самом доме, под вашей «защитой», я сгину раньше, – выдаю генералу.

Он прищуривается, будто не понимает, о чем я. Я расскажу.

– Законник упал из-за масла, разлитого на ступенях. Он опередил меня, и потому не я сейчас лежу на полу с иглой в груди, а он! Откуда там взялось масло, верю, вы догадаетесь сами, – говорю дракону, и он кидает в меня такой взгляд, будто я у него из-под ног пытаюсь вырвать землю. Будто жизнь ему намеренно испортить хочу.

Но нет, я лишь хочу отсюда уйти.

Но отпустит ли этот собственник? Одним лишь местным богам известно.

– Если вы действительно хотите позаботиться о своей старой жене, дайте мне развод, генерал! – говорю строго, уверенно и впиваюсь в него взглядом ничуть не менее острым, чем он в меня.

Секунда, вторая, третья. Мы так и стоим, молча воюя и опалая друг друга жарким дыханием. Уже начинает казаться, что эта битва взглядами не закончится вовек.

Сбиваюсь со счета, теряюсь во времени. Зато как никогда остро ощущаю растущую решимость внутри себя и сдержанный гнев дракона, заставляющий и без того загустевший воздух электризоваться. И тут раздается стук.

Скромный, робкий. Прямо в дверь кабинета.

– Господин, лекари закончили осмотр, – доносится голос дворецкого из коридора.

Но Кайрон его будто не слышит. Все изучает его съехавшую с катушек жену.

– Хозяин...

– Сейчас буду, – отвечает дракон уже более сдавленным, севшим, но все еще до мурашек грозным голосом.

Отрывает от меня взгляд, направляется к двери, а затем добавляет:

– Надейся, что он жив, Оливия, и тебе не придется просить меня спасти тебя от темницы.

Отворяет высокую дверь, и первое, что, требует, – отчет.

– Жив, – кивает седовласый старец, стоящий рядом с дворецким в коридоре. – Мы наладили все потоки жизненной силы и отправили господина Сайруса в лазарет, но... Позвольте спросить, Ваша Светлость? Иголка...

Кайрон напрягается, но на меня не смотрит, напротив ступает вперед, закрывая мою персону своим широким плечом.

– О чем вы?

– Я хотел бы знать, кто воткнул иглу в господина Сайруса, – немного стушевавшись, говорит лекарь.

– Она навредила? – вместо того, чтобы ответить, Кайрон задает вопрос. Зачем?

– Поначалу мы так и решили, но оказалось, что кто-то очень грамотно и быстро определил, как выпустить воздух таким варварским способом! – выдает лекарь.

Варварский? Интересно, а у них тут какие? Но, главное, лекарь сказал «грамотно и быстро», а значит, в темницу меня не поведут.

– То есть, эта иголка спасла законнику жизнь? – недоверчиво спрашивает Кайрон, а я никак не могу отказать себе в желании задрать голову и скрестить руки на груди, выражая свое: «я же говорила!».

– Почти уверен, что так. Но методика совершенно новая, неизведанная, – сообщает лекарь, и мне становится интересно, какой же методикой пользуются местные. – Позвольте узнать, это сделала госпожа Кайрон? Можно ли узнать у нее, где она такому научилась?

Дракон не отвечает, зато переводит на меня тяжелый взгляд. Ага, не ожидал, что я окажусь права. А теперь, должно быть, сам хочет узнать, откуда мне известен «варварский метод».

– Не она. И леди Кайрон сейчас нужно отдохнуть от пережитого стресса, – отвечает дракон, и взглядом выгоняет докторов.

Угу, лавров, значит, мне не достанется. Ну и ладно, не впервые. Главное, пациент жив, и дракон свой пыл поумерит.

Лекари кланяются, уходят, и, проводив их взглядом, я тут же ступаю вперед.

– Раз уж сделать из меня падшую, приставшую к чужому мужчине с иглой, не вышло, может, теперь осмотрим лестницу? – выдаю генералу.

Вот увидит он масло, и поймет, что меня лучше отпустить!

– Веди, – выдавливает из себя дракон, и я тут же ступаю к холлу, надеясь, что Вириан сделала то, что я велела, и не позволила никому вытереть масло.

Вот только в холле ждет еще один умопомрачительный номер!

Глава 16. Кто хитрее?

– Ай! – раздается громкий крик из холла, затем грохот.

Дракон тут же ускоряет шаг, и я – за ним.

Боюсь, что с Вириан что-то случилось, но она, хвала богам, цела и уже бежит ко мне.

– Хозяйка, я глаз не спускала с лестницы, но меня отвлекли и... Вот, – спешит доложить она, но я и так уже все вижу.

Чуть ниже середины лестницы на ступенях растянулась сама Люция в своем изумрудном платье.

– Боги, какой комар! – Уже несутся к новой хозяйке ее личные служанки и генерал туда же.

Конечно, пошел спасать свою новую любовь.

– Постойте! Вы можете пострадать! – выпаливает Люция, едва он приближается к ней.

– Цела? – наплевав на предупреждение, спрашивает он. Герой, что сказать.

Вон как осматривает ее.

– Не знаю... Кажется, да. Но кто намазал ступени маслом? – спрашивает Люция с такой невинностью в глазах, что меня передергивает. А Вириан так и вовсе начинает трясти.

– Маслом, говоришь... – повторяет генерал, осматривая уже не пассию, а ступени.

А служанки новой жены тут же подхватывают:

– Кто мог разлить? Кто бы посмел не убрать за собой? Это сделано специально? Чтобы навредить Нашей госпоже? – переговариваются они будто бы между собой, но на самом деле хотят, чтобы хозяин услышал.

И он слышит все. И злится. У него это все уже в печенках сидит. Но сам захотел двух волчиц под одной крышей поселить, сам и расхлебывай.

– Хозяйка..., – шепчет Вириан, прижимаясь ко мне дрожащими руками. – Они подумают на вас.

Не подумают. Генерал пусть и тот же камень в эмоциональном плане, но не идиот. По крайней мере, надеюсь на это.

Люция устроила это, чтобы отвести от себя подозрение. Чтобы показать, что не знала о масле.

Она будет выкручиваться, и судя по ее талантам и способности навредить даже себе, битва ожидается кровавой и смертельной.

И Люция уже готова продолжать. Пытается встать, тянет ручки к дракону, ожидая подмоги, и тут же жалобно стонет от боли.

– Позовите лекаря! – рычит дракон, и дворецкий тут же срывается с места.

– Я мигом!

А Люция тем временем так причитает, что хочется уши закрыть:

– Как больно... Нога... Как больно!

И все кидает в меня взгляды, будто это я виновата. Будто должна сейчас же извиниться и искупить вину.

– Госпожа, отчего они так смотрят на вас? – подмечает Вириан, а затем даже сам Кайрон переводит взгляд на меня.

«Что? Я раздеваю и осматриваю только мужчин», – так и хочется сказать ему, но за такое меня точно убьют. Нужно действовать осторожнее.

Потому и выдаю:

– Я же не лекарь, – напоминаю, хотя прекрасно знаю, что они не ждут от меня помощи. Но шанс свой не упущу.

– Да и новая хозяйка не при смерти. Но иголку в нее воткнуть могу. Надо? – спрашиваю дракона, а его глаза так вспыхивают, что помереть на месте должно.

Перебьется.

– Ай! – еще громче вскрикивает Люция и хватается за ногу, разыгрывая настоящий спектакль.

Что ж, я актерскому мастерству не училась, но в эту сцену вступить хочу.

– Лекаря ждать долго. Разойдитесь, я ее осмотрю, – решаю я, прикинув кое-какой интересный план в уме.

Шагаю к Люции, и толпа ловит самый настоящий шок.

То ли еще будет сейчас, дорогие!

– Генерал, молю, не надо! – выпаливает Люция и даже на секунду забывает про «боль».

– Она же меня покалечит!

– Я – вас? – изображаю искреннее негодование. – Боги упаси! Единственный, кто вам и должен мстить, так это законник, а не я. Но он не в том положении.

– За что ему мне мстить? – напрягается новая хозяйка.

– А разве маслице не ваших рук дело? – спрашиваю я, невинно хлопая ресничками.

Хотела новая хозяйка поиграть – сыграем. Не знаю, чему там ее учила прежняя Оливия, но я на дух таких дам не переношу. Правда, чаще всего сталкивалась с ними на работе. Заведующему глазками похлопают и давай мнить о себе черт знает что, когда аппендицит от геморроя отличить не могут.

– Что? – вспыхивает Оливия, да так натурально, что даже Станиславский бы поверил.

– Ваша Светлость! – в сердцах оборачивается к генералу. – Что она такое говорит? Неужели госпожа Оливия сошла с ума?

Генерал отвечать не спешит, хотя отлично слышал вопрос, и, судя по его пронзительному взгляду, не отлипающему от меня, предположения Люции он отчасти разделяет. Непонятно только, насколько большая эта часть.

Да и вообще, чего это грозный дракон молчит? Совсем не вмешивается, будто специально дает нам шанс поиграть в перетягивание каната, и посмотреть, до чего мы дойдем? М-да.

Ну так смотри, дракон.

– Разве не удивительно, что масло появилось на ступенях, ровно когда Вириан вышла за прогулочными туфлями для меня? – смотрю на Люцию.

– Считаете, это сделала я? – охает красавица и чуть ли не в слезы. Подлый прием. – Обвиняете в такой подлости? Нет же! Я бы в жизни не посмела навредить!

– Да-да, наша госпожа сама доброта. Она ведь сама упала, – спешат вставить свои пять копеек служанки. – А вот низложенная госпожа... Цела.

Говорят тихо, будто между собой, но дракон все слышит. Мотает на ус, анализирует и, видимо, злится, учитывая, что воздух вокруг него опять густеет донельзя. Скоро задохнусь!

Потому и думаю, что пора бы проверить то, что затеяла – вывести Люцию на чистую воду, начиная с того, что ничего она себе не повредила. Скрою сначала один обман, потом и другие выстроятся в ряд.

Только вот с чего лучше начать: шпильку из волос достать, как бы невзначай, чтобы Люция, увидев ее, испугалась, или ляпнуть что-то вроде: «Боги! Откуда тут взялся паук?!», ткнув пальцем в ступени возле новой хозяйки.

Как пить дать, она подскочет на своих «больных» ногах. Но... Стоит ли оно того?

Может, лучше ну это все и не пачкаться? В конце концов, что мне с ней делить?

– Довольно, – прерывает моим мысли дракон своим хриплым строгим голосом, а сам устало потирает переносицу.

М-да, он уже не выглядит так яростно, как несколько минут назад. Напротив, вид у него, будто с поля боя вернулся. Нет, будто ему пришлось обучать интернов, которые университет непонятно каким чудом смогли закончить.

– Ваша Светлость, – Люция застывает на секунду, смотрит на генерала, не моргая, а в больших васильковых глазах горит испуг и надежда. В духе: «Вы ведь не поверите этой старой ведьме? Вы ведь защитите несчастную меня от нее?»

Вижу, что генерал это считывает, а он, кажется, подмечает, что я прекрасно оцениваю ситуацию. Видимо, потому и не спешит с вердиктом, опять смотрит на меня, да так, будто дает шанс сделать свой ход взглядом. Притвориться и давить на жалость как Люция?

«Избавьте!» – проносится мысль, но ума хватает не закатить глаза, а посмотреть на генерала трезвым строгим взглядом.

Твою ж дивизию! Опять передергивает от этой его ауры, как от удара током. Это все-таки магия или рефлексы самого тела?

«Не важно, главное, выдержать этот напор достойно», – решаю я, вскидываю подбородок и... Поединок никак не заканчивается.

Пять секунд. Десять. Двадцать. Дракон даже не моргает, пристально смотрит на меня, изучая снова и снова, и... Чего-то ждет.

– Ай! – вскрикивает Люция, которой, видимо, не по вкусу, когда ее муж уделяет пусть и негативное, но все же чрезмерное внимание ненужной жене.

– Ай-яй! – причитает она, но в этот раз хватается уже не за ногу, а за низ живота.

– Люция, – тут же подхватывает ее генерал, да я и сама, действуя на рефлексах.

Хочу поддержать, осмотреть, а она кричит:

– Не смейте! – да в таких слезах, будто я ее убить хотела.

Черт возьми! Не нужно было этого делать, но рефлексы на то и рефлексы. Если бы медики всегда выбирали кого лечить, а кого нет – в мире был бы хаос. Мне в жизни повезло, на мой операционный стол попал лишь один подсудимый с заточкой в боку. Позже оказалось, что невиновный.

Более никаких гнусных типов не лечила, бог миловал. Потому и сейчас среагировала быстрее, чем подумала. А все потому, что Люция сыграла как-то по-настоящему. И боль, и испуг.

Выходит, переиграла меня? Судя по гневному взгляду грозного дракона, вполне возможно. Что ж, мне главное уйти отсюда целой и без ареста. А кому он верит – плевать.

– Лекарь! Лекарь идет! – раздается вопль из коридора, а затем и топот.

– Вириан! Отведи свою хозяйку в покои и до моего прихода никуда не выпускай! Слышишь? Исполни! – приказывает дракон, и служанка тут же подбегает и подхватывает меня за руку.

– Пойдемте, госпожа, – молит она, а Люция тем временем кричит все громче и почти складывается пополам.

«А может, она не играет?» – приходит в голову страшная мысль, когда ноги уводят меня прочь.

Потому и оглядываюсь, и последнее, что вижу – хищную довольную ухмылку Люции, порочащую мой скорый конец...

Глава 17. Последнее условие

Мы с Вириан быстро возвращаемся в покои. Меня все еще потряхивает, но я уверена, что поступила правильно. Правильно для себя, по совести.

И пусть я проиграла битву, мне не будет противно смотреть на себя в зеркало. А сейчас надо бы собрать все оставшиеся вещи, ведь одни боги знают, что там решит дракон.

Потому и шагаю к шкафу и начинаю решительно снимать с вешалок платья, а сама все вспоминаю этот разговор взглядами с генералом. Он понял, что произошло, я это видела в его глазах. Но с этим драконом нельзя быть уверенной на все сто процентов. Вполне возможно, он отмахнется от правды и решит просто встать на сторону новой жены.

Поэтому и нужно подготовиться, чтобы не оказаться с голым задом на улице. Соберу все, что можно.

– Вириан, поможешь? – зову застывшую у дверей прислугу.

– Да-да, госпожа, – спохватывается она, но едва подходит, вновь застывает. – Что вы задумали?

– Разве не видно? Готовлюсь покинуть этот дом, – отвечаю, не отвлекаясь от дела. А Вириан опять принимается причитать:

– Ох, хозяйка, зачем же вы с огнем играли? Так дразнить генерала...

– Поверь, я еще сдержалась, – отвечаю Вириану, а у нее глаза на пол лица становятся.

– Может, в самом деле лекаря позвать, пока беды себе не нажили? Вы сами на себя не похожи.

– А что ты ждала от женщины, которая всю жизнь на семью положила, а ее заменили, даже не моргнув?

– Слез? – нерешительно отвечает Вириан, хотя вопрос был риторическим. – Может, подождете, пока он остынет и попросите прощения, того и гляди, не выгонит он вас, – предлагает мне помощница, я от шока едва вешалку не выпускаю из рук.

– Вириан, в этом доме мне жизни уже не будет. А на существование я не согласна. Надо будет – босиком по углям пройду. Лишь бы отсюда подальше. Ладно. С платьями я закончу сама, а ты пойдешь и разуйся осторожно, что там с новой хозяйкой, раз мне пока нельзя выходить, – говорю Вириану, и она тут же кивает и уходит.

А я, покопошившись еще минут двадцать, решаю взять передышку. После пункции и скандалов будто все силы выкачали.

Лучше принять душ, пока он все еще мне доступен. «Приду в себя, а затем продолжу», – решаю я и тут же направляюсь в ванную.

Увы, расслабиться даже в теплой воде с аромамаслами не удастся. Все думаю, достаточно надежно ли я спрятала драгоценности и не отнимут ли их у меня? Да и не только об этом.

Законник болен, а где искать другого, не знаю. Неужели, придется бежать?

Быстро ополоснувшись, выхожу в комнату, Вириан все еще нет, и силы пока не вернулись. Решаю немного полежать, восстановиться, а затем продолжить сборы. Но только голова касается подушки, я проваливаюсь в сон.

Обычно мне ничего не снится, когда вымотана. Дочь даже пугалась, потому что я не двигалась, спала, как мертвая, после тяжелых смен. Сегодня случилось нечто похожее, потому и сон крепкий. Но все же сквозь него я слышу, как щелкает дверь. Наверное, Вириан вернулась.

Потягиваюсь лениво в постели, прежде чем открыть глаза, и тут ощущаю запах – хвоя, древесина и кайенский перец. И ауру, эту тяжелую, отлично знакомую ауру...

Дракон!

Тут же спохватываюсь, открываю глаза, а мужчина уже нависает надо мной огромной темной тенью, заслоняя собой почти весь свет ночников. И только его глаза с вытянутыми в

вертикальные полоски зрачками мерцают огнем в полумраке в нескольких сантиметрах над мной.

– С ума сошли?! – выпаливаю я, подобравшись к изголовью кровати, а у генерала ледяная маска сползает с лица.

Но удивление не держится дольше двух секунд.

– Кхм... – поправляет он охрипший голос. – Ты не двигалась. – продолжает невозмутимым тоном.

– Порадовались, что умерла? – спрашиваю я и тут замечаю, как тяжелый взгляд скользит по моей персоне от макушки до самых пят, цепляясь то за колени, то за обнаженные бедра, и останавливается на несколько секунд, на едва прикрытой груди. А потом наклоняется еще ближе!

Ты чего удумал, гад?! Ей-богу, спросонья ко мне лучше не подходить – нога, как в молодости рефлекторно действует на извращенцев, вырываясь вперед, но у генерала рефлекс не хуже моих.

Успеваешь поймать за лодыжку, зараза! Тут же двигаюсь назад, а он не выпускает!

– Пусти! – рычу, ибо становится страшно.

Вмажу второй ногой, полотенце могу потерять. Да и вообще, сколько мне лет, чтобы с ним силами мериться? Чертов рефлекс!

– Ты... Это специально? – выдавливает из себя дракон, его голос звучит еще ниже, чем раньше, больше похож на хрип.

А затем он смотрит мне прямо в глаза.

– Вы меня напугали, – чеканю холодно, чтобы этому дракону иного в голову не пришло. Но его голова точно работает не так, как нужно!

– Про попытку лишить меня шанса завести наследника я понял. Но к чему все это шоу?

– Он наконец-то отпускает мою ногу и вновь скользит взглядом по съехавшему полотенцу.

Я тут же поправляю его, от греха подальше встаю с постели и ищу, чем бы прикрыться понадежнее.

– Думаете, ждала вашего прихода? Вы, кажется, забыли, что я требую развод. – Смотрю на него, а у самой сердце стучит в висках.

Этот дракон непорядочный, и каково его нелегкая так рано сюда принесла? Разве он не должен быть сейчас с Люцией? Ночь на дворе!

– Ты опять об этом, – шумно выдыхает дракон, а затем, кинув взгляд в сторону, застывает на миг. – Что это, Оливия?

– Что? – не понимаю вопроса и не понимаю, отчего так вспыхнули глаза генерала.

– Это! – рычит он так, что зубы скрипят и желваки выступают.

Ах, это... Он про не до конца собранные вещи?

– Вы же меня не выгоните отсюда ни с чем? Всё-таки вы достойный дракон! Необходимые вещи, с вашего позволения, я заберу с собой, – деловито выдаю я.

– А ты все жаждешь уйти, несмотря на то что я тебя не гоню? Даже после всего что случилось?! – злится он, и злобная аура вновь заполняет помещение.

Чур меня, чур!

– Как и хочу уйти из-за того, что случилось! Пока жива! Кстати, как ваша новая жена?

– Вопрос для протокола или в самом деле интересно?

Хм, а я не знаю ответ. Она меня бесит, но если вдруг беременна...

– Интересуюсь, не попаду ли в темницу, – решаю обставить все так. Пусть считает злыдней и выгонит. – Но для протокола.

– Не попадешь, и ты это прекрасно знаешь!

– Чтобы не запятнать честь фамилии? Или потому что вы допустили ту самую мизерную вероятность, что я не делала того, в чем попытались обвинить?

– Знаю, – выдает генерал, и в этот раз удивляюсь я.

Думала, он сейчас рвать и метать тут за Люцию будет, несмотря ни на что.

– Что? – переспрашиваю. И уже даже как-то не рада, что бой все же оказался за мной. Что, если передумает давать мне развод?

Бежать сложнее, чем развестись. Беглянок догоняют. Тем более такие драконы, как этот!

– Я знаю, что масло разлила не ты. Знаю и то, что ты хотела напугать Люцию, но, хвала богам, тебе хватило ума этого не делать! Иначе сейчас оправдаться было бы сложнее, – сообщает генерал.

И в этом он прав. Если бы Люция подскочила из-за паука, которого не существует, а потом схватилась за низ живота, мне бы точно голову снесли... Уберегли боги, а ведь так хотелось.

– Единственное, чего я до сих пор не знал, Оливия, – твой истинный характер, – заключает дракон. А затем смотрит так, что мне уже не покрывалом, а бетонной стеной от его взгляда хочется укрыться.

– Выходит, все эти годы только притворялась покладистой и благонравной? – звучит низкий, почти интимный голос.

А я не могу понять, к добру ли этот вопрос. Да плевать! Мне уйти отсюда надо поскорее. И желательно по обоюдному согласию, а не побегом.

– Если так, то исключите меня из списка сумасшедших и отпустите с миром?

– В графу «особо опасных манипуляторов» занесу, – выдает он мне и хоть смотрит строго, во взгляде считывается что-то похожее на интерес. – Но вот про отпустить...

О, нет-нет-нет! Не этого я добивалась!

– Товарищ генерал, раз мы уже поняли, что вовсе не такие, какие роли играли все это время, то давайте все же решим вопрос мирно. Я ведь и по-плохому могу!

– Это как? – еще больше интереса вспыхивает в его глазах. – В твоей хитрости отныне я не сомневаюсь, но вот подлости еще не замечал. А ведь у тебя был шанс извернуться и выйти победительницей на той лестнице, и ты отлично это знаешь.

Был, он прав. Я проигрывала в голове разные варианты, включая тот, что можно и самой что-нибудь разыграть, как Люция, но решила остановиться до того, как ступлю на кривую дорожку. Не пачкалась и не буду!

– Так почему ты ей проиграла, Оливия? – задает генерал еще один, к тому же самый неожиданный вопрос.

– А вы хотели, чтобы я победила? – Не могу не выразить шок. Это же... Какой-то бред!

– Я хотел увидеть, что вы обе скрываете под масками, – сообщает он. – Удивительно, что только сейчас ты проявила характер, хотя раньше вообще не ввязывалась в скандалы.

Опасно! Вот сейчас о-очень опасно! Что, если он догадается, что я не Оливия?!

– Так раньше и вы не приводили новых жен! – Встаю в ту самую позицию, которую логично заняла бы обиженная жена, и дракон взрывается.

– Оливия!! – рычит он на меня.

Ага, на новую жену иди кричи!

– Кайрон!! – выпаливаю в ответ, точно так же вздернув голову!

– Что?..

«Что?» – пробегает паническая мысль. Мне, конечно, много раз хотелось ему врезать и сказать все, что думаю... Но я же понимаю, что если доведу до ручки, то и себя могу похоронить. Перешла черту?

– Как ты меня назвала? Повтори! – велит генерал, и становится еще тревожней, но отступить уже некуда. Можно смягчить оборот, но не пасовать уж точно.

– Бывший муж, лорд Кайрон, – с хлипким спокойствием выдаю я, а воздух в комнате густеет с каждой секундой.

– Назови по имени! – требует дракон, и радужки его глаз начинают пульсировать, вытягиваясь в вертикальные линии.

Мать моя, я никогда к этой чертовщине не привыкну! И повторять его имя не буду, уж слишком что-то оно его зацепило. И совсем не в том ключе, который мне был нужен.

– Что за детский сад?! Вы пришли объявить свое решение по случившемуся на лестнице, так и объявляете, а затем... Прочь! – Указываю на дверь, но дракон меня будто бы уже и не слышит.

Уж слишком плотоядно он смотрит. Того и гляди... Присвоит как вещь!

– Оливия, – едва сдерживает рык, наступает на меня черной мощной тенью, и я с трудом заставляю себя не пасануть, не отступить. Дам слабинку сейчас, покажу страх – мне конец!

– В кого ты такая упертая? – Останавливается слишком близко и наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза, изучает будто под микроскопом, а его горячее, жгучее дыхание впивается в онемевшие щеки.

– Видимо в вас! – Поднимаю голову выше, как бы сообщая: «я тебя не боюсь!».

И в этот раз страх, действительно, отступает. В голове гуляет та самая дурь, которая делает нас всех бесстрашными в молодости.

Та самая дурь, потеряв которую мы сваливаем в спокойную, тихую и... Монотонную жизнь. Желание брать свое! Желание сражаться и побеждать! Азарт, черт возьми! Слепая, необоснованная вера в собственные силы, которых, может, вовсе нет. Но эта вера и сделала нас теми, кем мы стали когда-то.

Это же бесстрашие играет со мной злую шутку. Не знаю, что именно распыляет дракона, но он склоняется ниже. Еще ниже, уже почти касается губ...

– Не вздумайте! Я могу не только лечить, но и калечить. Даже если сейчас не смогу вас остановить, обязательно отомщу! – выпаливаю я, а саму потряхивает так, будто оголенного провода коснулась.

– Да? – усмехается Кайрон. И, что удивительно, не злится. Напротив, приятно удивлен?

– Что ж, рад знакомству, настоящая Оливия.

Боги, он даже не подумал, что я не она?! Отличный муж, что сказать!

– Не могу сказать того же по поводу вас. Но напомню про свои умения владеть иглой. И вовсе не для шитья. Вам когда-нибудь загоняли иголки под кожу? – спрашиваю я, вспомнив методы избавления от соперниц в гаремах Древнего Китая, а дракон и в этот раз даже не удивляется, усмехается. Выглядит еще более довольным.

– Не верите, что смогу?

– Напротив. Впервые верю твоей угрозе. И знаешь, это порождает азарт, – отвечает Кайрон. А затем хватает меня так резко, что не успеваю даже сообразить, как оказываюсь прижата к его телу, а губы вновь оказываются рядом!

– Вы сказали, что я издеваюсь. Но издеваетесь вы! – выпаливаю в попытке остановить неизбежное... А он будто не слышит. Верхняя голова, видимо, окончательно отдала бразды правления. И судя по тому, как дракон смотрит, не стоит недооценивать его способность давить так, что даже кремль поддается.

Драться глупо. Остаются только слова, которые будут бить по совести, как плети, смоченные ядом.

А у этого дракона, совесть, кажется, все-таки есть. Толики. Но их хватит.

– Вам настолько плевать на ту боль, что размажет меня после этой ночи? – говорю ему, игнорируя жаркую ладонь, которой он притянул меня к себе, заставив впечататься всем телом.

– Вы жаждете видеть меня в своей постели, несмотря на то, сколько слез я потом пролью? Хотите сделать меня несчастной?!

– Оливия... – Застывает дракон, и я убеждаюсь, что не ошиблась в стратегии.

– Вы тиран, господин Кайрон! Так безжалостно мучить женщину, которая была вам верна долгие годы! Которая чуть не погибла, пытаясь дать вам наследника...

– Достаточно! – выпаливает он, мигом протрезвев.

Отворачивается. Сжимает кулаки до хруста и... Молчит. Зато дышит так глубоко, так гневно, что кажется, он сейчас в дракона обратится.

– Ты будешь вечность меня в этом упрекать? – выдавливает из себя.

– Куда дольше, если не дадите развод!

Дракон оборачивается так резко, что вздрагиваю. В глазах его истинное пламя. Челюсти стиснуты, и мне кажется, что он порвет меня на части, но нет...

– Ладно... – берет себя в руки Кайрон, а я вижу, как тяжело ему даются слова. – Раз так хочешь свободы, ты ее получишь. Но с одним условием, Оливия.

Глава 18. Прощание

– Повозки готовы? – спрашиваю Вириан следующим утром.

– Готовы, – ворчит она едва слышно.

На меня не смотрит, но я не сержусь. Она так себя ведет, потому что сердится. Вчера, сразу после того как Кайрон ушел, Вириан влетела в комнату бледная как простыня.

– Госпожа, хоть оторвите мне язык, но смолчать не могу! – выпалила она, чем немало меня напугала.

– Раз так, говори, – велела я ей.

– Зачем же вы так? Зачем отвергли хозяина? – в сердцах и чуть ли не в слезах пролепетала она.

Да с таким взглядом, будто я только что дом проспорила и последние портки вместе с ним.

– Вириан, я понимаю, что ты тревожишься. Но все же некоторые линии не нужно пересекать, – отрезала я и велела тогда рассказать мне все, что она слышала.

Вириан притихла, отчиталась, но при этом была похожа на маленького надутого ребенка. Даже стало жаль ее, но слушать и дальше речи в духе «останьтесь, смиритесь, потерпите! Лучше так, чем самой!», я не могла и не хотела.

Тем более, после того как почти на ножах выбила у генерала сделку. Шаткую, хрупкую, но выбила. И эта самая сделка позволила мне воспрянуть духом, и даже самой вещи не пришлось собирать.

Их с утра принялись паковать слуги, а сейчас вот – понесли вниз. Все добро, ничего не потеряв.

– Эх, хозяйка, – вновь вздыхает Вириан, засовывая себе за пазуху последний из припрятанных мной мешочков с драгоценностями.

И вновь поймав ее взгляд, я чуть ли не взрываюсь. Может, зря я решила взять ее с собой на эту окраину? Если продолжит и дальше отговаривать и причитать я же свихнусь!

Но с другой стороны, кроме нее, доверенных лиц больше нет. А я еще не во всем разобралась.

– Леди! – раздаются одновременно стук и голос дворецкого за дверями моих покоев.

После разрешения он входит и докладывает, что все сундуки погрузили в повозку.

– Прекрасно, уже иду! – приободрившись и благодарно кивнув, я поднимаюсь с диванчика, шагаю к двери, но помощница так и остается неподвижной у окна.

– Ты можешь остаться, Вириан.

– Нет-нет! Я с вами! – тут же семенит она и по-прежнему на меня обижается, как маленький ребенок.

Решаю, что поговорю с ней об этом конфликте в дороге, а пока – нужно вырваться из дома Кайрона и его новой жены без приключений.

Вот же! Вспомнила! Не дай бог, она сейчас явится как черт!

Быстренько оглядываюсь по сторонам, а затем вновь выпрямляю спинку. В конце концов, даже если новая хозяйка придет «проводить», мне хуже не будет. Я уеду. Да и ей должно хватить мозгов не соваться лишний раз.

Даст мне уйти спокойно – всем будет счастье.

Нет же... Заноза уже ждет вместе со своими фрейлинами в самом низу белоснежной центральной лестницы, по которой нас ведет дворецкий.

«Ну, хоть сейчас удостоилась не черного хода», – проскальзывает мысль, а затем и взгляд бежит по холлу. Но, кроме новой жены, других хозяев дома не видно. Значит, генерал проводить не будет? Славно!

– Значит, вы все-таки покидаете нас, Оливия? – натянув на губы до тошноты слащавую улыбку, выдает Люция, наряженная в элегантное голубое платье с золотой вышивкой на груди, и придерживает низ живота.

Играет на публику, коей здесь много.

Вся дюжина слуг стоит у дальней стены. То ли провожают меня, то ли выпроваживают? Судя по грусти в глазах – первое. Приятно.

– Так всем будет лучше, – заставляю себя точно так же фальшиво улыбнуться хозяйке, учитывая, что из другого угла на нас глазеез какой-то рыжий паренек.

И он, в отличие от других слуг, не проститься пришел, а понаблюдать. Это выдает внимательный взгляд его охристых глаз. Но я делаю вид, что не замечаю его.

– В этом вы правы. Я едва не утратила здоровье в прошлую нашу встречу, но, как достойная леди, должна вас проводить в отсутствие мужа, – сообщает она и делает шаг ко мне.

А я предусмотрительно отступаю. Мало ли что у этой малахольной сегодня на уме. «Просто дайте уже выйти!» – хочется зарычать, но вспоминаю, что следят, и вновь улыбаюсь.

– Давайте без объятий, не хочу, чтобы вы еще в чем-то меня обвинили, – сообщаю дамочке прямо в лицо, а затем, кивнув Вириан, иду прямо к выходу.

Знаю, что сейчас думает помощница: «Не нужно было грубить госпоже! Это только против вас обернется!». Не обернется.

Мне нужно только месяц продержаться, и все будет хорошо. А туда эта дамочка не зайвится... Надеюсь. «В глуши леди делать нечего!» – сама же Вириан так и сказала.

Ступаю к порогу и распахнутым настезь дверям и уже чувствую этот запах свободы, ветер, пробегающий по коже, солнце! Даже невольно сравниваю себя с узницей, которую наконец-то выпустили на волю. А вот и черная повозка у огромного мраморного крыльца и... Люди.

Как-то слишком много людей на улице.

– Они заметили, как грузят вещи. Слухи уже разошлись по столице, вот и делают вид, что гуляют, а в самом деле, хотят поглядеть на ваш позор, – шепчет мне Вириан.

Так, с ее страхами перед обществом придется что-то делать, не то она и мне их вернет. Но позже, а сейчас я гордо выпрямляю спину и ступаю по ступеням к карете, как вдруг.

– Госпожа-а! – раздается отчаянный вопль, и я даже пугаюсь, но зря.

Одна из служанок пытается кинуться за мной, но ее останавливает дворецкий, испуганно глядя на новую хозяйку, застывшую в дверях. И правильно.

Эта Люция не простит, если слуги попрощаются со мной, проявят уважение и почет на ее глазах. Она их загоняет потом до смерти.

– Все хорошо. Берегите себя и усердно служите новой госпоже, – едва слышно говорю я и киваю на прощание.

Слуги, как и дети, невиноваты, если те, у кого есть власть, не умеют жить мирно.

Улыбаюсь еще раз, но ловлю на себе гневный взгляд Люции, застывшей с фрейлинами в дверях. Ее даже это бесит. Хвала богам, мне больше нечего с ней делить, потому с чистой душой и сажусь в загруженную сундуками повозку.

Вириан забирается следом за мной.

– Дверь, – хочу напомнить ей, но следом заходит еще одна служанка.

– Господин велел, – сообщает она испуганно, наткнувшись на мой ошалевший взгляд, и спешно закрывает дверь.

В глаза старается не смотреть, а это значит, что есть что скрывать? Шпионить будет? Рано делать выводы, посмотрим.

– Трогай! – раздается мужской голос позади кареты. Еще одного навязали?

Увы, разобраться не успеваю, карета, резко покачнувшись, трогается с места и начинает стучать деревянными колесами по каменной дороге.

Сквозь тонкую шторку смотрю на особняк, в котором провела свои первые дни в этом мире, и внутри что-то сжимается, но я гоню это чувство прочь. Это не мой дом, и его высокие белые стены, напоминающие дворец, – так же холодны и бездушны, как хозяин. Мое место не здесь. Я его найду. А если не найду, то создам.

Что бы обо мне не думали люди, «гуляющие на улице». И не только они, в окнах соседних особняков, больше напоминающих дворцы, тоже стоят наблюдатели. И они с презрением покачивают головами.

«Разводятся только с теми, кто опозорил себя или семью», – вспоминаю слова Вириан: «Или с теми, кто не почитал своего мужа, был плохой женой». Что в принципе приравнивалось к первому. К тому, что обо мне будут судачить, я готова. Более того, возможно, мне сейчас нужен этот вызов от общества, чтобы напомнить себе, кем я была и кем хочу быть, проживая свой второй шанс на жизнь!

С такой решимостью и дожидаюсь приезда в свое новое временное пристанище, ставшее одним из условий Кайрона, но проходит полчаса, затем час, начинается вторая, а мы все еще в пути.

Навязанная незнакомая служанка молчит, как мышь, а Вириан тяжело вздыхает. Все еще не одобряет моего упрямства. Но я ей объясняю, как доедем, – решаю я, кидаю взгляд в оконце, пейзаж за которым становится все более удручающим.

Нет ни особняков, ни трехэтажных домов с черепичными крышами, которыми был застроен город. Одни зеленые поля и редкие домики. Затем лесополоса с дурманящим запахом хвои, и вот – снова домики. Старые, каменные, с такими покосившимися заборами, будто соревнуются, кто здесь хуже живет.

На сердце становится тревожно от мысли, что же ждет меня, но я напоминаю себе, что справлюсь. И не с таким сталкивалась в жизни. Девяностые чего только стоили. Не пропаду. И драконицу этому со списком требований нос еще утру!

– Прибыли! – раздается гнусавый голос кучера, и карета, покачнувшись еще раз, останавливается.

Наконец-то! Вот и поглядим, что за сюрприз приготовил Кайрон.

Мать моя женщина...

Глава 19. Этого не было в договоре!

Едва выбравшись из кареты следом за слугами, застываю, оглядывая свое новое пристанище.

– Это оно? – на всякий случай спрашиваю, поглядывая на Вириан, но она и сама не в курсе.

– Оно, госпожа, – шустро отзывается молоденькая служанка, увязавшаяся с нами, и кивает своей светлой кудрявой головой.

Вновь окидываю взглядом здание.

– Хозяйка, – тихо шепчет Вириан, – как вам?

Как-как...

– Открывай шампанское! – бодро пропеваю я.

– Чего? – Вытягиваются лица в изумлении.

Ах да, у них это, наверное, по-другому называется, значит, скажем понятнее:

– Нам нужны крепкие напитки!

– Так плохо? Вы так сильно расстроились? – пугается Вириан, неправильно истолковав мои слова.

– Да я рада! Праздновать будем! – говорю я, ошарашив всех еще больше.

Да, дом неухоженный, но большой и с виду целый!

Окна на месте, черепичная крыша без провалов. Разве что двор травой зарос, но каменную дорожку видно.

Внутри, наверняка, слой пыли, но разве это беда? Главное, чтобы мебель хоть какая-нибудь и посуда нашлась. А серебряные там ложки или деревянные – уже не важно. Я без этих вычурностей прекрасно обойдусь.

– Идёмте! – зову всех за собой и смело ступаю по белым камням дорожки, уже представляя, как буду спокойно сидеть под навесом террасы вечерами.

Как мы с Вириан жарим овощи на местном гриле, как в мою комнату не будут врваться всякие драконы и новые жены. Пусть эта комната даже крошечной будет, главное чистой, тихой и защищенной!

«А еще... Если холл большой и пригодный, можно там приемную для пациентов устроить!» – теряет берега моя фантазия, но я тут же себя осекаю.

Кайрон сказал месяц прожить, не угодив в скандал, и тем самым показать свою зрелость и самостоятельность. Ага, вот такое дурацкое требование для «старой жены».

Поэтому с приемом пациентов пока повременю. Тут же надо еще понять, есть ли врачебная лицензия, и что будет, если практиковать без нее.

Ко всему с умом надо подходить. И в самом начале к уборке...

– М-да, – вздыхаю я, едва молоденькая служанка открывает ключом большой амбарный замок и открывает скрипучую дверь.

Слой пыли здесь с палец, если не с два. Но хорошо, хоть паутины нет, а имеющаяся мебель заслана простынями.

Недурно.

– Госпожа, может, мне отмыть пару стульев и вынести вам в сад, пока мы здесь приберем? – предлагает Вириан, испуганно глядя то на меня, то на объем работ, с которыми эти двое разве что до полуночи справятся. И то не идеально, а сносно.

А вот втроем или вчетвером и быстрее сделаем! Где там второй шпион?

– Так, господа, несите сундуки сюда, ставьте на крыльцо под навес, и в дом! Нам будете помогать! Или, что, не голодные? Посуды чистой нет! Первые дни будем плечом к плечу работать, – сообщаю слугам, у которых вот-вот челюсти от удивления о пол террасы звякнут.

Ну, простите, корчить белоручку без надобности не стану. Хочу жить в кайф! И побыстрее!

Потому и первой вхожу в холл, он же перетекает в просторную, но пыльную гостиную, из которой виднеется кухня-столовая, деревянная лестница на второй этаж и еще три двери.

Вириан отправляю на кухню посуду перемыть, пыль вытереть и еду приготовить. Рыженькой служанке велю найти тазы и тряпки, на ней пыль, мебель и полы, а я подмету.

– А я? – спрашивает тот самый рыжий паренек, который следил за нами в доме грозного генерала. И он же, судя по хлысту в руках, был нашим кучером.

– А ты обойди дом и двор, проверь на безопасность и поломки, – с легкостью отдаю рыжему распоряжение и оборачиваюсь в ту сторону, где должен стоять последний из нашей компании. Тот, кто позади кареты ехал, и все время каким-то образом отступал так, что не попадался мне полностью на глаза.

– А вы... – начинаю я и тут же осекаюсь, наконец-то, разглядев мужчину целиком.

И в голове возникает только одна мысль:

«Вот же черт!»

Страх начинает струиться по всему телу, когда я вижу пугающего амбала в черной маске на все лицо.

Это ведь он ворвался в храм, едва я очнулась в этом мире. И он же тогда чуть жреца евнухом не сделал только за то, что тот на меня в ночнушке посмотрел.

Опасный тип!

Так и хочется попятиться, но не стану. Здесь все будут работать на общее благо. И он!

– А я... – словно прочитав мои мысли, выдает безликий тип, – вам не слуга. Я вас охраняю. Дом осмотрел, он безопасен. Петли и двери не проверял. Петро справится, – говорит он каким-то предостерегающим и в то же время снисходительным тоном, и все слуги застывают, а рыжий паренек так и вовсе тикает от него подальше.

– Я петли пошел проверять! – выпаливает Петро, следом и женщины убегают на кухню.

Понимаю, почему. Есть в этом мрачном Безликом что-то пугающее и напоминающее ту темную ауру генерала Кайрона, от воспоминания которой даже сейчас пошли мурашки.

– Но есть-то хотите? – резонно спрашиваю я.

А мне в ответ – ухмылка. Под маской, конечно, не видно. Но смешок я слышала. Злой смешок.

– Не манипулируйте мной, леди, – говорит он, еще и обращается с какой-то странной интонацией.

Леди? Будто издевается.

– Значит, будете просто стоять и наблюдать?

– Это моя работа. Пока не прибудет другая охрана.

Охрана? Другая?

А кто сказал, что мне это надо? Я свободы хотела. Да и не выглядит эта деревня опасной. А вот лишние глаза и рты, которые будут еще и доносить на меня, мне точно не нужны.

– Этого в договоре не было. Не хотите помогать, уходите. Здесь все равны и трудятся на равных, – выдаю ему, а он с места не двигается. – И еще. Передайте своему хозяину, что если он еще кого-то пришлет без моего ведома и согласия, я сама расторгну сделку! Вы меня слышали? – для пущей убедительности строго отрезаю я.

Безликий ухмыляется. Точнее, я слышу такой же надменный смешок.

– Не подчинитесь?

Отходит. Хвала богам, ступает к выходу, и воздуха в доме сразу становится больше. Но, черт его возьми, застывает в последнюю секунду прямо в дверях.

– Я никому не подчиняюсь, леди. Но Кайрону ваши слова передам, – говорит этот тип, а затем исчезает прямо на глазах в каком-то вихре.

И этот злосчастный вихрь всю пыль поднимает в воздух.

– Апчхи!

Ладно. От одного дармоеда отделалась, пора искать метлу. С ней и танцую до самого заката по залу, коридорам, лестнице. Даже присматриваю милую спальню на втором этаже, куда велю отнести сундуки. А то небо чернеет, того и гляди после засухи дождь грянет, и все добро отсыреет.

– Госпожа! Ужин готов! – зовет Вириан.

Еда! Наконец-то!

Стол Вириан накрыла знатный! Пальчики оближешь! Наевшись досыта, вечером спрашиваю помощницу о приехавших с нами слугах. Оказывается, Петро уже давно работает в доме Кайрона и близок с драконом, а вот юная Эшла – новенькая. Надо держать ухо остро, пока не пойму, на чьей они стороне.

Поэтому следующим днем занимаю шпионов необходимой работой, и кручусь перед носом как можно чаще. Ближе к обеду отправляю рыжего за маслом, чтобы петли дверные смазал, а спустя минут пять велю блондиночке купить хлеб.

Сама же, прихватив Вириан, решаю быстренько прогуляться по округе, посмотреть, что тут и как. И самое желанное для меня находится!

Стоит аптека прямо в конце той самой улицы, где расположен особняк. Небольшая, старая, но на вид приятная. Так и хочется войти, но не спешу – мало ли кто еще следит из кустов. Да еще и Вириан нашептывает мне такое, от чего настроение моментом падает ниже плинтуса.

О ее словах и думаю вплоть до ночи, пока мы продолжаем приводить в порядок дом, а потом вспоминаю, что Москва тоже не сразу строилась, и решаю, что до аптеки нужно все-таки дойти! Завтра же утром!

Только вот утро наступает в обед. То ли усталость, то ли долгожданное спокойствие и тишина позволяют выспаться так, что просыпаюсь будто бы перерожденной. В доме пахнет уже не пирогами, а шарлоткой. Вот точно Вириан никуда не отпущу с ее золотыми руками! Три работы найду, но буду есть ее пироги.

С такими мыслями, умывшись и одевшись, спускаюсь в холл.

Ах, красота, тишина, благодать и... Запах дыма! Не такой, будто что-то пригорело на кухне, а такой будто бы...

– Пожар! Пожар!

Тут же выбегаю на крики, доносящиеся с улицы. Слуги мчатся следом за мной и застывают на крыльце, глядя на алое зарево совсем неподалеку – в начале улицы! Там толпа, крики, плач!

– Аптека горит! – еще один отчаянный вопль. Вот так сходила на собеседование!

– Ужас! Ужас! – причитает, дрожит Эшла.

В юных глазах блестят слезы. Еще бы! Люди бегут, стонут, плачут... Дети, старики, женщины... Все в саже, ранах, испуганные! Падают прямо на землю вдоль нашей улицы!

– Хозяйка, давайте вернемся в дом! – пугается Вириан. – Вам не стоит на это смотреть!

Конечно, не стоит смотреть! Мне стоит помочь!

– Воду, тряпки, все мои мази из сундуков, и за мной! – команду слугам, слетая с крыльца навстречу пострадавшим.

Глава 20. Не женское дело!

Людей целая куча, кто-то бежит прочь, кто-то уже обратно, неся ведра, тазы, видимо, для того чтобы тушить. Я не пожарный, я врач, и потому с огнем управлюсь хуже, чем с больными. А людей, падающих прямо вдоль улицы, много. Подбегаю к одной паре. Мужчина цел, а вот женщина едва не теряет сознание. Осматриваю, матерясь про себя, что под рукой ни одного инструмента нет, но, к счастью, у дамы лишь порезы – бежала, упала несколько раз. И дыма надышаться успела.

Следом за ней осматриваю еще двух женщин. Одна ранена серьезно, но, к счастью, Вириан и Эшла уже несут все, что я велела. Оказав первую помощь, оглядываюсь в поисках местных докторов или спасательной службы. Понятное дело, мир другой, но базовые профессии должны же быть. Но не видно.

– Петро! Где ближайшая аптека? – кричу на рыжего и велю его грузить тяжело раненных в карету и гнать в столицу.

Начинаю с сортировки больных по степени тяжести. Перед глазами одна рана сменяется другой, один ожог хуже другого. Гам, шум, крики. Почти не вижу ничего, даже лиц не запоминаю, только повреждения. Отправив карету, кидаюсь к тем, кто остался.

Заканчивая перевязку на скорую руку, кидаю взгляд по округе и вижу вдали в дыму три силуэта. Маленькая девочка, девушка постарше и женщина. Они еле идут...

– Помогите! – истошный крик, и я кидаюсь навстречу, зазывая за собою Вириан.

Но стоит нам пробежать несколько шагов, как помощница хватает меня за руку.

– Госпожа, нельзя! – говорит она, в упор глядя на одну из троицы.

Я ошиблась, думая, что посредине шла девушка, это женщина примерно моих лет. Блондинка, хрупкая, даже несколько тощая и на вид болезненная.

– О чем ты? Поспешим!

– Это леди Эшборн! Одни боги знают, как ее занесло в эту глушь, но лучше к ней не приближаться! – не отпускает Вириан, и я уж думаю, что эта женщина что-то ужасное сотворила, а Вириан добавляет: – Она ведь низложенная жена. Почти в разводе...

Так и я низложенная, черт победи! Из-за этого в помощи отказать? Вот так мир!

Злюсь на Вириан, выхватываю узел с принадлежностями, но ничего не говорю. Спешу к женщинам.

– Что? Кто ранен? Ребенок? – хочу узнать, когда они все втроем, выйдя из дыма, падают на траву вдоль дороги.

– Эми цела. Она увидела бабушку, та не смогла сама идти, – сообщает низложенная госпожа, указывая на пожилую женщину, у которой глаза начинают закатываться.

За время, что у меня было, я нашла ту баночку, что заменяет в этом мире нашатырный спирт. И сделала запасы. Привожу старушку в чувства, а затем осматриваю. Ожогов нет, но вывихнута нога. И дай бог, не закрытый перелом! В ее возрасте такое опасно.

– Сколько вашей бабушке лет? – спрашиваю леди Эшборн и тут-то узнается, что бабушка им вовсе не бабушка, а незнакомая старушка, которую они спасали.

Низложенная госпожа ее даже не знает, но не бросила, когда все думали только о себе, привела сюда, будучи с ребенком! Не для себя просила помощи, а для старушки, а мне велели не подходить. Вот вам картина налицо о местных нравах!

– Эшла, пригони тачку. Отвезите бабулю в дом! – командую служанке и тут перевожу взгляд на леди.

Сложно это объяснить, особенно когда вокруг такая паника, но я точно знаю, что должна сделать кое-что еще... Чувствую. Сердцем!

– И Леди тоже отведите в дом, – говорю Эшле, а сама не сжому взгляда с болезненной леди и маленькой девочки, которую эта леди чуть ли не прячет за юбкой, крепко сжимая маленькую ручку. И я будто чувствую ее силу и страх в этот самый момент. Такая аура идет от женщин, которые должны в одиночку защищать свое дитя от мира. Аура матери-одиночки в беде. Я эту леди не брошу.

– Леди, там безопасно, – говорю даме, и она несколько секунд с недоверием смотрит на меня, а затем кивает. И я опять ловлю знакомые чувства в ее взгляде. Признательность до глубины души от женщины, которая не проливает на людях слезы.

– Спасибо. Я непременно отдам вам долг, – обещает она и, подхватив малышку на руки, уходит следом за тачкой с бабулей и Эшлой.

И даже в этом шуме слышу ее тихие слова, сказанные златовласой девочке:

– Не бойся, моя храбрая малышка, все позади. Их всех вылечат, вот увидишь! – обещает леди, прижимая к душе дочку и спешит. А я не могу оторвать взгляда от голубых глаз этой девочки. Такие чистые, такие искреннее, но уже все понимающие. Будто повзрослела в пять...

У моей дочери были такие же.

Тут же смахиваю слезу и возвращаюсь к делу – пострадавшим нужно помочь.

Этим и занимаюсь по мере сил, осматриваю то одну женщину, то другую. Кому-то промываю раны. Кому-то натягиваю жгут и шину из подручных средств. А вот одному мужчине стандартных манипуляций первой помощи будет недостаточно.

– Лекарь! Тут есть лекарь?! – кричу в надежде, что хоть кто-то да объявился, ибо сама не справлюсь. Нет инструментов, не осталось лекарств, а мужчина весь в ожогах.

– Все в лекарне, больных из пожара выводят, – отвечает женщина, которой я перевязала рану несколько минут назад.

Кидаю взгляд к зареву – пламя стихает, зато черный дым валит столбом. Почти потушили. Нужно кого-то из местных врачей найти!

Оглядываюсь по сторонам, а прямо за моей спиной раздается строгий голос:

– Вы... Уму непостижимо! Вы что творите?!

Оборачиваюсь и натываюсь на запыхавшегося мужчину лет пятидесяти. Взгляд бешеный, сам он аж красный, седые волосы торчат в разные стороны, руки все в крови, как и белая мантия. Мантия... Доктор?

– Вы лекарь? – тут же уточняю я, проигнорировав его вопрос. Тут человеку плохо.

– У вас есть болеутоляющее? – возвращаюсь к мужчине, надеясь, что местный лекарь не начнет зачитывать лекции и расчехлит свой полураскрытый саквояж, висящий через плечо, на полную.

– Леди, вы с ума сошли? Отойдите от мужчины! – гаркает мужчина, кидает в меня огненный взгляд, так и говорящий: «ты кто вообще такая, чтобы командовать и лезть под руку профессионала?».

– Он умрет от болевого шока, если будем спорить! – выпаливаю я ничуть не менее агрессивно, чем местный лекарь. Не раз в таких ситуациях была. Ты либо берёшь напором с первой попытки, либо проиграл и твой пациент – мертв.

Глаза мужчины округляются на пол лица, но больше он не спорит.

– И без вас вижу! – шипит лекарь, опускаясь на землю, и расчехляет саквояж. – Отойдите уже!

Действует он быстро, четко, потому не вижу причин лезть под руку. Оборачиваюсь к женщине, что тихо хлопает носом рядом. У нее рассечена рука, а в ране виднеются щепки.

– Потерпите, – говорю ей, чтобы не вздумала дергаться, достаю шипцами щепки, и выливаю последнее, что у меня есть. А вот перевязать уже нечем.

– Лекарь! – оборачиваюсь, чтобы попросить у него материал. Плевать, что я ему не нравлюсь, сейчас мы за общее дело.

– Держите! – Он уже сам сует мне бухту белой тряпки.

Надо же, следил, смотрел?

– Помощники вернулись? Сюда! Этого на носилки, в повозку и в столицу! – командует лекарь, а затем оглядывается. На улице сидят человек двадцать, не меньше. Не все из них ранены, многие просто рядом, пытаюсь помочь. Еще дюжина людей, все это время носившихся к лекарне, возвращается с пустыми ведрами. Тут пахнет дымом, гарью, болью...

– Господин лекарь, как же быть? От лекарни ничего не осталось? – Подбегает к лекарю полноватая женщина. Судя по чепчику на голове, нарукавниках и перепачканному фартуку, предполагаю, что она медсестра.

– А бездна его знает. Ко мне их вести далеко, а осмотреть тщательнее надо, – говорит лекарь, и он прав. Первая помощь оказана, но нужно убедиться, что не осталось скрытых травм.

– Ведите ко мне, – решаю я, раз уж выбора нет.

Вокруг только покосившиеся домики, столб сизого дыма на месте, где была лекарня, и мой двухэтажный особняк. Очевидно же, что нужно делать.

– К вам? – уточняет лекарь.

Я все еще ему не нравлюсь, но вижу, что этот господин в первую очередь будет думать о пациентах. На улице вечереет, толком ничего не видно, а в воздухе все сильнее пахнет грозой.

– Леди Кайрон, временно живу в этом доме. Место есть, вода найдется, а вот лекарств не осталось, – сообщаю ему, и лекарь, оценив меня взглядом, кивает.

– Спасибо, леди Кайрон. Ваш поступок благороден, – выдает он, и в этот раз в его голосе действительно звучит признательность, но скептицизм на лице остаётся.

В следующие полчаса мы медленно перемещаем пациентов в дом. Кого-то заводим, кого-то несут подоспевшие из лекарни санитары-мужчины. Тут же находятся и женщины.

В основном они суетятся как служанки, помогая Вириан и Эшле, размещать людей, чуть ли не на полу, потому что мест особо нет. Зато нарастающая гроза за окном не помешает осмотру.

Этим осмотром и занимается лекарь, давая назначения своим пятерым подчиненным, из которых три женщины и двое мужчин. И те разбирают пациентов в соответствии с гендерным признаком, как и предупредила меня Вириан еще вчера.

А еще она сказала, что женщин-врачей в этом мире нет. Есть лишь помощницы, что приравнивается к нашим медсестрам. Лишь они могут касаться больных женщин, а рассматривают лишь лекари-мужчины, но исключительно с помощью магии. На эту магию я сейчас и смотрю. На облачко, которое исходит из кулона лекаря легким голубым свечением, а затем исчезает. Понятия не имею, как это работает, но почти уверена, что с профессиональным осмотром не сравнится.

Так и подмывает осмотреть больных следом за местным врачом, и на счастье «батарейка» в его кулоне садится.

– Позвольте мне продолжить? – говорю мужчине, ибо люди не закончились, а вот его «третий глаз» сломался.

– У вас есть образование, леди?

– Мой отец был лекарем, я с детства перечитала все книги и помогала ему, – нагло вру, лишь бы допустил. И лекарь, просканировав меня взглядом еще раз, кивает, но отправляет со мной следом за развешанные простыни, отделившие разнополых пациентов на два лагеря, своих двух помощниц. С ними и провожу осмотр, делаем вместе повторные перевязки, а затем провожаем тех, кто уже может быть «выписан».

Не замечаю, как наступает ночь, как особняк пропитывается насквозь запахом лечебных отваров, как Вириан из кухарки превращается в аптекаря, а кухня – в фармацевтический завод. Лишь ближе к рассвету дом пустеет.

Санитары помогают последним пациентам разойтись по домам, а я, не чувствуя ног и рук, падаю на диван и на секунду закрываю глаза, как слышу:

– Кхм.

Лекарь еще не ушел. А я уже никого не вижу, глаза как в тумане, еще всюду натянутые простыни. Благо Эшла уже принялась убирать этот полевой госпиталь.

– Леди Кайрон, – лекарь обращается ко мне, а я, заметив, что его и самого уже качает из стороны в сторону, предлагаю присесть.

Санитарки, пока еще не покинувшие дом, помогающие Эшле и Вириан, тут же навестили уши.

– Признаться, я был к вам предвзят. Не думал, что леди вашего статуса будет хорошо знакома с медициной. Но ваши методы... Вы сказали, ваш отец был лекарем, напомним его фамилию? – просит лекарь, заставляя мой мозг, решивший немного отдохнуть, вновь напрячься. Что там говорила Вириан?

– Элтон, – отвечаю, будучи уверена, что вспомнила все правильно, и лекарь немало удивляется.

– Не знал, что он промышлял такими методами. И, тем более, никогда бы не подумал, что он обучал им вас, – выдыхает лекарь.

Не пойму, это хорошо или плохо. Плевать, сейчас бы поспать. А на свежую голову поговорить бы, да прорекламирровать свои сильные стороны под нужным углом. Того и гляди, найду подход и пробьюсь как-нибудь хотя бы в санитарки для начала, раз уж женщин врачей здесь нет. А там посмотрим.

– Кхм. В любом случае я вам очень благодарен и хотел бы написать письмо о вашем подвиге, но...

Но?

– Но вынужден буду скрыть некоторые детали. Вы же понимаете, о чем я? – спрашивает он, намекая, скорее всего, на тех мужчин, которым я успела помочь до его прихода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.